

Love TL;DR

Сон опускает веки и гравитация настойчиво укладывает свинцовую голову Сато на свою грудь. Тело просит покоя: хороводы кортизола и адреналина замедляют свой темп и более не дергают за невидимые ниточки безвольные конечности; для разума покой – это недоступная роскошь: мысли врываются в спокойствие и отчуждение от окружающего мира, хлопают по щекам и встряхивают измученное рацио.

Его капсула для сна, наполненная теплой податливой субстанцией, принимающей форму тела, теперь казалась мучительно некомфортной, крепко удерживающей беспокойное тело в заточении. Прозрачный материал, законсервировавший его в спокойствии шумоподавляющего поля, теперь ментально давил на его глубоко запятанные фобии, одной из которых была клаустрофобия.

Глубокого вздохнув, Сато предпринял новую попытку уснуть, но было уже поздно: мимолетный страх подстегнул призыв к действию и в крови уже было достаточно адреналина, чтобы пульс участился, а мысли закружились стройными косяками рыб в хаотичном броуновском подобию танца.

Голод и жажда просыпаются вместе с вождением. Три всадника апокалипсиса человечества не дают покоя и по сей день, внося хаос в священную человеческую войну с энтропией. Сато смирился с ними, но не принял: эта часть жизни была чужда для кукол, а значит чужда и для него.

Вот только он не кукла и мочевого пузыря сейчас разрывался от желания напомнить ему об этом.

Сато неохотно встал, пошатываясь от дезориентации в темном помещении и выпроводил себя из общей спальни кукольного домика, автоматически перемещая свои ноги к гостевой ванной комнате. Темное стерильное убранство этажерок сменилось ослепительно ярким стерильным убранством кабинок. Ему было неприятно находиться здесь: мрак скрывал его от глаз, прятал его сомнения, стыд и страхи. Прятал его от себя. Свет же выталкивал под пристальное внимание невидимых глаз, фантомной боли от осуждающих взглядов.

Быстро стукнув по стерилизатору, Сато вышел из яркой комнаты и облегченно выдохнул. Можно было навестить нижние ярусы и перехватить что-то сомнительно съедобное, но напичканное протеинами и быстрыми углеводами или попробовать успокоиться и уснуть.

Сато выбрал второе. Он не был уверен, что не сорвется, гуляя по ярусам, и не утолит гложущее сосуд тела вождение. Третий всадник был самым опасным для природы полиаморфа. Самым естественным и самым опасным одновременно.

Жажда была неиссякаемой, не дающей покоя. Жажда постепенно накапливалась и становилась могущественным повелителем, когда появлялась даже самая малая, призрачная возможность ее утолить. Жажда наделяла его жизнь смыслом, но смысл этот шел в разрез с принципами существования Сато. Сегодня пришлось снова напомнить своему телу об этом: он взглянул на полоску ровных свежих порезов на внутренней стороне предплечья.

Куклы мирно спали после восполнения энергии: опустошенные от воспоминаний этого дня и всех предыдущих, они были защищены от нападок тревожных мыслей. Обливиация хотя и не была необходимостью для кукол, делала их монотонную жизнь немного лучше и Сато еженочно находил в себе силы проводить процедуру для каждой из них.

Он прошелся вдоль капсул и по очереди нежно коснулся лба всех ангельских созданий, окутанных слабым стазисом: никаких сложных мыслей, только необходимый минимум. Все что он чувствовал: это удовлетворение, принятие и... счастье?

Счастье... бывает разное. Он чувствовал под пальцами искусственное, скрупулезно выведенное и досконально выверенное счастье. Гормональное, но не гармоничное. Рефлекторное, но не рефлексивное. Никакого наслаждения, только всеобъемлющий и безусловный экстаз.

По всему телу короткими всплесками вспыхнули сгустки тепла и, мгновенно пробежав по всем конечностям, собрались в груди. Мысли заслонила приятная дымка ночной апатии и на секунду Сато почувствовал, что сможет сегодня уснуть, но короткий всхлип выдернул его из царства Морфея.

Арти. Арти была особенной, выделяющейся из обитателей кукольного домика. От прикосновений к ней, его внутренний сосуд наполняется воспоминаниями, но не вытягивал их, отнимая навсегда у хозяина, а разделял, погружал, делая Сато одним из действующих лиц.

Ее мягкое, ангельски-светлое овальное лицо с искусственно маленькими и заостренными чертами лица сейчас исказилось и приобрело воистину дьявольски-пугающее выражение. Рот от ужаса раскрылся и стремительно втягивал прохладный воздух, вздымая плоскую грудь и выгибая изящную спину.

Сато осторожно открыл капсулу и положил горячую ладонь ей на живот: она перестала дрожать, но спазм не прекратился и она стала изредка дергать ногами. Осторожно, чтобы ее не разбудить, он просочился в капсулу и, перевернув ее на бок, обхватил левой рукой, оказавшейся снизу, ее за плечи, а правую положил на грудь, впуская в покрывшееся испариной тело тепло и забирая то, что тревожило ее так мучительно.

... водоворот эмоций затащил Сато так неистово, что вздох показался невыносимой роскошью. Распахнув от паники глаза, он нырнул еще глубже, чтобы достать дно и вынырнуть с другой стороны, но течение было чудовищной силы, поэтому оставалось только привыкнуть, адаптироваться к среде. Сато начал активно изгибать тело и плыть в направлении дна: течение со временем ослабевало и теперь он чувствовал лишь отголоски эмоций, которые захлестнули его наверху: страх, беспокойство, тревога, сомнение.

Перед его взглядом открылся мрак и пустынное одиночество улиц Лимба. Дождь, смывающий со старых античных переулков следы тех, кто туда однажды заглядывал, и ветер, уносящий их голоса в бесконечное ничто.

Сато избавился от этих воспоминаний, не желая погружаться в меланхолию и проживать эти эмоции. Однако, к его удивлению, на обратном пути он заметил что-то, что создавало печаль внутри Арти не меньше этих постылых мыслей.

Что-то очень глубокое, фундаментальное. Формирующее и ограничивающее мировоззрение. Немного поколебавшись, Сато отдался своему любопытству и погрузился в эту впадину, на самое дно воспоминаний.

"Долбаный шторм!", — Кира нервно выругалась и позволила себе передышку. Влажные от пота волосы налипли на лоб и спутались, что вызвало еще одну волну раздражения. Сухой воздух мгновенно впитывал соленые капли с губ и шеи, оставляя взамен спасительную прохладу.

Она шумно втянула воздух и, наморщив носик, фыркнула. Работы еще было невпроворот. И хотя ей уже вызывались помочь Дерби и Клэй, двое крепышей из общины, она отослала их прочь: сама справится. Делегировать — значит делить мозг, а ей сейчас лучше сконцентрироваться на задачке.

Перед ней возвышался кластер из четырех домашних ветряков, хаотично побитых последним штормом. Прилетевшие камни оставили глубокие борозды в металле, а лопасти опасно накренились. Первые два ветряка выжили, хотя были изрядно помяты и забиты песком по самый контроллер, а вот вторым не повезло: панель управления оказалась вырвана и выброшена, а лопасти погнуты или выдернуты из пазов.

Одну из лопастей она сейчас задумчиво разглядывала, пытаясь найти в себе силы признать, что ее уже не восстановить.

Кира тысячу раз пересобираала, перепайвала и настраивала эти ветряки, служившие им уже без малого декаду, но в этот раз ее одолевали сомнения. Панель она без проблем заменит, проводка и калибровка — вопрос денег и времени, но вот лопасти — другое дело. Придется заказывать или искать у одного из мусорщиков. Вопрос был

важный: их резерв истощился месяц назад, потеря генераторов лишала части поселения стабильного жизнеобеспечения: воды, еды и тепла.

Она облокотилась на поцарапанное керамическое основание ветряка, заштопанное панелью, которое она с гордостью выпекла на свое совершеннолетие. Ее хрупкое на вид тело имело удивительную силу и твердость, в основном за счет непробиваемого упрямства и своеволия. Во всяком случае она так считала до момента, когда панель свалилась на ногу и та вывернулась в неожиданную для человеческой природы сторону.

Кира улыбнулась, погрузившись в воспоминания, и откинула голову на теплую от солнца шершавую поверхность панели. Прищурившись, она увидела проходящего мимо пастыря.

— Хей-зи, святой отец!

Пастырь разглядел ее в облаке поднявшейся пыли от каравана и помахал рукой. Пройдя несколько метров, он увидел приближающуюся желтую тучу и ускорился: сегодня был караванный день и это было не лучшее время для прогулок по территории общины. Приблизившись, он убрал шарф от рта и возмущенно пропыхтел: — Кира, я же просил, зачем этот формализм.

Увидев, что она кокетливо ухмыляется, его губы растянулись в ответной улыбке и его голос потеплел.

— Ладно-ладно, снова меня съела.

Пастырь взглянул на разобранные, выпотрошенные и оставленные в таком состоянии генераторы и вопросительно поднял бровь.

— Какой вердикт? Еще одна холодная ночь или можно будет погреться под горячей водой?

— Ари, я же говорила тебе. Запасов энергии достаточно, чтобы устроить себе уютный вечерок, только он будет последним. Нам придется беречь энергию, пока не починим генераторы, а тут мой прогноз... от недели до месяца.

Увидев недовольство на лице Ариона, она виновато нахмурилась и проворчала:

— Я инженер, а не господь бог. Это ты у нас по части чудес.

Арион грозно уставился на нее и замолчал, пытаясь придумать мирный ответ, но уткнувшись в непробиваемую самозащиту, решил оставить ей возможность договорить.

— Не представляю откуда мы достанем замену этим лопастям. Мы можем заказать их из города?

— Исключено. У нас не хватит средств, чтобы закрыть такую сделку. Последние средства ушли на машины для сбора урожая. А Дерби не может собрать тебе такой элемент?

— Ари, нет, не говори глупостей. Он же гончар, а не кузнец. Ладно, забудь, это моя проблема, а не твоя.

В этот раз Пастырь нашелся что сказать и его реакция была незамедлительной.

— Не говори так. Это проблема всего поселения и мы все рады тебе помочь. Ты же знаешь, мы рядом.

Кира упрямо закусила губу и отвернулась. Она не знала почему ее это так задевало, но эти чертовы генераторы заставляли ее чувствовать себя виновато. Это была ее обязанность и она с ней справлялась! До этого момента. Теперь ей требовалось либо за считанные дни научиться изготавливать вещи из металла, либо... перестать хныкать и придумать как решить проблему! Самой.

Страх, стыд и жалость к себе в одно мгновение сконвертировались в агрессивное желание что-то делать. И это "делать" уж точно не означало мило болтать о погоде с Ари. Она сделала вид, что ремонтирует панель и махнула головой пастырю.

— Да-да, знаю. Я справлюсь. Иди.

Пастырь расстроено отвернулся и, обернувшись шарфом, направился к церкви, гнездившейся на холме. Арион не обижался, только уходил в себя и свои любимые теологические исследования — она знала его слишком давно.

Церковь выглядела единственным идеально уцелевшим после шторма зданием. Церковью гордились – вера была тем, почему они здесь все вместе собрались и отстроили свои дома. У пуристов была простая религия, но согласны с ней были все: выживание вдали от заблудившейся среди собственных теней и демонов, цивилизации. Без чертовых имплантов, коварных искинов и прочей нечисти, заведшей людей в тупик существования. Тихая жизнь по канонам их, человеческих, предков.

Причины для пререканий были: кто-то считал, что все проблемы цивилизации начались с оседлой жизни и предлагал вернуться к кочевничеству; кто-то жаловался на необходимость торговать с городом и убеждал отказаться от сложных изделий и лекарств; кто-то затаивал обиду на кроткого соседа, а кто-то и вовсе недолюбливал всю общину, оставаясь в ней только из-за необходимости в социуме.

Арион умело находил подход к каждому из них и помогал нащупать затерявшийся компромисс, чаще всего сводя проблемы обсуждавших к вопросам более важным: как им, людям, жить в гармонии вместе и при этом иметь хлеб в мисках и крышу над головой.

В этом ему неоднократно помогал сам Бог, действенно прекращая все споры сезоном засух, штормами или бесчинствующими молниями. Погода нередко сплочала их настолько, что следующие несколько месяцев она каждый вечер встречались в церкви и слушали успокаивающие речи пастыря, внушавшие надежду и убеждавшие, что они не одиноки в этой борьбе за будущее людей.

И все же, Кира редко думала о Боге: у нее был огромный список тем для размышлений: начиная от системы полива и заканчивая проблемными генераторами. Но одно она решила точно: если Бог однажды повстречается ей на пути, она отвесит ему приличную затрещину за все те климатические невзгоды, которые свалились на ее плечи за последние несколько лет жизни.

— Арион!

Она краем уха услышала, как караванщики зазывали пастыря. Подсознательное желание увильнуть от самобичевания и заурядное деревенское любопытство подстегнули ее высунуть голову из за корпуса ветряка и сощуриться, чтобы рассмотреть что же там такое произошло.

На пожелтевшей от старости и песочной извести планирующей гондоле лежал человек. Издалека было невозможно отличить его черт, но по состоянию было видно, что последние несколько дней он голодал и мучился от жажды.

Кира наострила уши и подтянулась еще чуть выше, чтобы расслышать беседу караванщиков и пастыря, пытающихся перекричать ветер.

— Изгой? Откуда вы его привезли?

— Вытащили с заброшенной пивоварни в сорока километрах от города.

— Кертенберри? Он там в одиночку жил?

— Да, представляешь, торчал один в жилом здании, видимо пытался настроить подачу воды и найти еду, но шторм отрезал его от цивилизации и остальных блоков. Видит Бог, он выиграл лотерейный билет, когда на его сигнал вышли мы и привезли его сюда.

— Может его нужно в город?

— Не, Ари, ты попробуй с ним поболтать. Говорил, делайте со мной все что хотите, но в город я больше никогда в жизни.

— Понял. Значит приютим у себя. Если приживется и будет работать, то дополнительные руки нам пригодятся, а если нет, так пусть катится на все четыре стороны.

Караванщики помогли пастырю довести незнакомца до здания, где у них была больница. Кира напрягла зрение еще сильнее и различила лицо незнакомца. Серые глаза, короткие волосы, хаотичный шрам на виске и белое пятно над шрамом, которое было невозможно спутать: место, куда имплантировали нейроинтерфейс.

Консерва. Кира брезгливо фыркнула и нахмурилась. Большая часть общины когда-то была имплантирована, но в ней это вызывало неприязнь и ужас. Имплант у тебя в мозгах. Посылает сигналы и манипулирует сознанием. Ей этого не понять, к счастью, рожденным за пределами цивилизации людям этого было и не нужно.

Сато набрал воздуха и вынырнул из водоворота, неистово пытаясь разбудить себя снаружи. Он чувствовал, что его ноги все еще захвачены течением и спустя несколько мгновений короткая передышка закончится новым погружением, возможно окончательным.

Охваченный паникой, он начал вспоминать детали своей жизни, чтобы расщепить свое сознание и сознание Арти.

Только вспоминать было нечего. Он не помнил ничего о своей жизни до того, как стал полиаморфом. А после... что ж, его жизнь состояла скорее из коротких моментов просветления и ментальной трезвости вкупе с мучительным вождением и воспоминаний других людей, полученных во время слияния.

Когда он понял, что тех крохи, что он извлек из анналов своей памяти, не помогают, он вспомнил другое. Могучее и сильное, то что удерживало его в кукольном домике. Жажда.

Он сконцентрировался на ней и она жесткой хваткой выдернула его за шкуру обратно в свое тело. Сато застонал от дикой головной боли, которая поумерила властную волю жажды и сковала грудь и желудок, заставив его свеситься с края капсулы и резко выдохнуть, выдавливая скромное содержимое желудка.

От движений и шума Арти ненадолго очнулась и ее не открывающиеся до конца глаза вопросительно уставились на незванного гостя капсулы. Сато отдышался и шепотом произнес:

— Арти? Что это? Откуда эти воспоминания?

Ответа не последовало. Сато наклонился над темным силуэтом девушки и убедился, что Арти уже мирно спала. Короткие волосы сейчас свалились на лоб и из аккуратного каре превратились в беспорядочный спутавшийся куст. Сато спрятал в темноте ночи нежную улыбку и потрогал ее шею и лоб, чтобы проверить, что он в порядке. Ей нужен

был отдых, да и ему тоже. Скоро уже начнется новый цикл, а он так и не сомкнул глаз, что несомненно отразится на его состоянии с утра.

Он дорожил утром: утро было той самой редкой возможностью побыть человеком: вкусно позавтракать, посмотреть на город и прикоснуться к восходящему солнцу. Жажда отступала, когда он просыпался, поэтому он воображал себя кем-то вроде вампира: ночного существа, проклятого навеки и одержимого вечным голодом.

Вот только в отличие от невинных жертв проклятия вампиризма, он свою боль заслужил. И боль эта приносила очищение, она помогала легче переносить те воспоминания, которые напращивались в его голову снова и снова. Боль убеждала его в том, что он окупит своим страданием те страдания, которые приносил своим... партнерам.

Сон более не возвращался к нему, в отличие от голода, который сводил желудок и крепко держал его в сомкнутом кулаке. Сато попробовал разные позы для сна и попробовал утонуть в медитации, но ничего не вышло: сосущее чувство в животе перетекло в горячее неистовство. Жажда спала, что поселило немного надежды в полиаморфа и он позволил себе встать и на носочках выйти в коридор.

"Уснуть уже не удастся, можно по крайней мере вкусно поесть и развеяться. Ты это заслужил: пройти через такую сложную обливиацию — подумать только!"

В слабо освещенном вытянутом вдоль пространстве его встретил Олви: хозяин заведения и любовь всего кукольного домика. Олви медленно потягивался после ночной прогулки и вылизывал лапой усы после приема пищи, что мгновенно вызвало зависть у Сато. Он подошел к коту и почесал ему подбородок. Тот ласково отозвался, потерся об его ногу и невозмутимо зашагал дальше, осматривая периметр.

Сато усмехнулся и вышел на улицу, бесшумно закрыв дверь руками: автоматический доводчик сделал бы это также тихо, но полиаморф испытывал недостаток доверия, когда нервничал.

"Нельзя портить себе алиби", — заявило его подсознание, отчего ему стало дурно. Эти мысли он не хотел иметь. Эти мысли ломали, разрушали его прочную стену из принципов, вынимая один кирпичик за другим.

Яркий свет ударил ему в лицо: обычный запрет на освещение старыми излучателями, вроде светодиодных, игнорировался на нижних ярусах, которые представляли собой старые улочки прошлого мира и невероятное количество лавок и магазинчиков, приютившихся между старыми каменными и кирпичными домами. Сато расслабился, выйдя из агрессивно-фиолетового баннера кукольного домика. Резкое раздражение породило цепочку мыслей о том, чтобы выдернуть этот чертов щит и выбросить его где-то по пути, но спокойный вдох помог избавиться от незваных гостей.

Баннеры служили не более чем декоративными элементами, напоминающими о всех "прелестях" отчаянного мира прошлого столетия, в котором цивилизация, в стремлении убежать от своего первобытного прошлого, так и не ушла никуда: джунгли стали каменными, а орудия труда — цифровыми.

В глубоких размышлениях, Сато и не заметил, как вышел из гедонистической части яруса и направился к изобилию корнеров и лавок, из которых доносился пряный и сладкий аромат. Поскорее минуя первые ряды пестрых магазинчиков, где можно было взять с собой коробку с яичной лапшой за бесценок, напечатанную на остатки пищевых принтеров, он добрался до двухэтажного домика, вписанного в огромную арку входа в помпезное здание.

Закусочная была его любимым местом: сочетанием наивного и прагматичного датского стиля оформления интерьера и современной кухни, лишенной избыточных ароматов и вкусов, которые забивают рецепторы и вызывают зависимость. В «Лонгсторишорт» печатали небольшие сферы из рисовой муки с разными начинками: от тофу в медовом соусе со спаржей до мангового филе с кокосовым молоком и чиа. От одной мысли об этом в животе заурчало еще сильнее и он ускорился, подыскивая взглядом место, которых, как всегда, было намного меньше, чем посетителей.

Один из барных стульев внезапно освободился и Сато проскользнул внутрь, с неприязнью ощущая концентрацию теплого света, окружающего стул. Ему не хотелось, чтобы его увидели в публичном месте. Нет, ему не хотелось, чтобы его в целом **увидели**.

Запах еды все-таки сломал его неуверенность и он приземлился на деревянную поверхность, чувствуя, что она еще теплая. Чья бы задница не грела в этот вечер этот стул, он был ей благодарен: на улице было влажно и промозгло, а он уже научился, что в Лондон-центр стоило ценить любой источник тепла, даже если этот источник чья-то пятая точка.

Горячая паровая выпечка и сидр ослабили давление на организм голода; сытый и согревшийся он стал заметно клевать носом, так что ему пришлось быстро спустить ноги вниз и опереться на стойку, чтобы не свалиться вниз. Придя в себя, он улыбнулся следующему счастливчику, занимающему нагретый стул и вышел под ночное небо, истекающее водяными ручьями.

Просто потрясающий вечер. Ты смог сделать его превосходным, но... не хватает еще одного элемента, правда? Может быть дать своему организму полностью отдохнуть? Утолить немного жажды и отправить спать? Может быть жажда оставит тебя на дни или даже недели после того, как ты ее утолишь? Помнишь, как хорошо жить без жажды?

Голос в его голове был приятным, утешающим. Разрешающим. Это был его голос, голос рациональный, голос здравого смысла.

«Да... было бы хорошо не задумываться несколько дней про жажду. К тому же я все равно не смогу сейчас уснуть. Раз уж я здесь, почему бы и не сделать все дела полностью. Снять с себя груз».

Сато задумался о последней ночи в сладострастном экстазе. Ему было так хорошо, так спокойно. Он наконец почувствовал себя человеком.

Решение было принято. Он уверенно зашагал обратно в гедонистический уголок, чтобы погрузиться в «Эклипс»: иммерсивный клуб, где он почувствует себя в потоке людей. Почувствует себя счастливым человеческим существом.

В ушах гремели раскатистичные низкочастотные потоки воды, скрывающие их сплетенные тела в темноте грота. Через голубую мерцающую дымку и облако капель, поднявшихся от удара ручья об камни, виднелось яркое тропическое солнце. Его лучи сейчас играли солнечными зайчиками на коже и выхватывали разные элементы сексуальной игры, которыми наделила их природа.

Тело девушки, которое он сжимал в своих руках, было на грани блаженства. Сато, наслаждающийся этими эмоциями, подпитывал их еще больше, выделяя нужную комбинацию феромонов, чтобы поддерживать пик как можно дольше.

Крайнее возбуждение всех эрогенных зон, эйфория как реакция на искусно подобранный маскулиный запах,

Сато впитывал все это, собирая как можно больше тепла в своей груди. Девушка уже несколько раз переступила черту блаженства и оргазмы обрели период, больший чем он мог себе позволить по времени. Ему нужно было заканчивать сейчас, на пике, как только его сосуд жажды наполнится.

Он вздохнул так глубоко, насколько был способен и щекотливое ощущение зашевелилось в горле и внизу живота как он почувствовал то, что хотел спрятать, скрыть. То, от чего хотел сбежать.

Едва перейдя черту и почувствовав горячий жар оргазма, он дернулся и попробовал выпрыгнуть из объятий девушки. Он еще мог успеть. Он еще мог **успеть...**

В глубине сознания он почувствовал испуганный возглас девушки... и темноту. На руках Сато обвисло безвольное тело.

... Молчание и тишина. Оглушающая, звенящая, высокочастотная рябь, отражающаяся снова и снова в недрах его ушей, стучащая маленьким молоточком по напряженным барабанным перепонкам. Пульс отчаянно вырывающегося наружу сердца избавил мозг от страданий и теперь задавал рубленый ритм для немилосердных мыслей.

Беги. Беги.

Беги. Беги.

Он не справился. Он не успел. Он проглотил ее сознание. Ее душу.

Вампир. Паразит. Урод. Мысли с безумной скоростью носились в голове, груз жажды спал, но груз страха, паники и ненависти к себе опустился на опухшее от переживаний сознание. Замерев в ступоре и плача, он попытался закрыть уши, но не от громохота воды, которая теперь казалось ему праведным гневом наблюдателя, а от женского крика, звеневшего внутри головы. Когда крик неожиданно оборвался, раздался другой голос: холодный и расчетливый.

«БЕГИ», — прозвучал приказ, застыл плашкой непрочитанных субтитров в голове. Сато послушался. Он бы отдал все что угодно на свете, чтобы не быть сейчас там, где оказался. Чтобы это было сном, лихорадочным наваждением ниши бредом начавшегося сумасшествия.

Желание вырваться из реальности захлестнуло его и какая-то глубокая рациональная проекция выдернула наконец вожжи управления застывшим телом и пустило его испуганной рысью по выбранным стерильным кварталам совести.

Вспышки баннеров, домиков, уличных украшений, окрыленных волшебной ночью лиц... Вывески, назойливо зазывающие в дополненной реальности нейроинтерфейса: "Print&Eat", "FarFarAway", "DeadInside", "Basic Kitsch". Линии света размылись, размазались и каждый поворот головы теперь вызывал мучительную боль, сдавливающую тисками виски.

Его стошнило и он присел на землю, чтобы отдышаться. По капюшону комбинезона забарабанил дождь, выбивая из Сато остатки смелости, останки личности, перехватившей на мгновение управление. Дождь продолжал простучивать в его душе что-то — то, что он спрятал во внутреннем кармане под толстой кожей безразличия.

Стыд. Стыд. Стыд. Стыд. Стыд.

«Оставь меня в покое!!» его голос сломался и крик получился хриплым и скрипучим, обжигая расплавленным серебром горло и легкие.

Влажный вздох... Стало немного легче, как будто организм физически вывел попавший в тело яд. Осталось совсем недалеко до его убежища.

Убежище.

Еще один след, яркий как сам кукольный домик. Им не составит труда найти его здесь.

"ОНИ тебя не найдут. Ты кукла. Никто не станет искать куклу"

"Но ведь я не кукла!" — крикнул Сато вслух. От отчаяния его барьеры сломались и он перестал бояться. Страх стал настолько фундаментальным, что его присутствие более не ощущалось. Дрожь прекратилась и злость перехватила первенство.

Злость на себя, на себя... его мысли переместились, будто бы сдвинулись на одну фазу и начали прокручивать жалость к себе как старую киноленту, наблюдая собственные страдания со стороны. Глупо. Нелепо.

... Злость на тех, кто с ним это сделал. Эту мысль нужно было сохранить на завтра. Спрятать во внутреннем кармане под толстой броней безразличия.

Словно во сне, он дошел до двери в кукольный домик, просочился внутрь и оказался в своей капсуле. Приняв позу эмбриона, он немного повысил температуру в кровати, чтобы унять дрожь, а затем плавно исключил любой внешний источник освещения. Прележав так полчаса, практически вечность, он наконец уснул.

Позднее утро. Он аккуратно привстал и с неудовольствием почувствовал, что в голове бушует ураган, а мышцы одеревенели и не хотели подчиняться. Сон был тяжелым и нервным, поэтому выспаться так и не удалось.

Минутная слабость и непрекращающийся поток размышлений, вызванный взаимодействием возбужденных нейронов обрушился на него с новой силой. Образы и воспоминания прошлого вечера были еще свежи, о чем он искренне сожалел, однако было еще что-то... странное ощущение пустоты.

Выбравшись из капсулы, он поплелся к рециркулятору, борясь со слабостью своего организма. Одна его часть молила пройти физиотерапевтическую процедуру у одного из целителей в двух кварталах отсюда, но вторая часть была непреклонна: недомогание и боль были отличным напоминанием почему ему нельзя давать волю жажде.

Каждый вечер был временем греха, когда воля претуплялась, уставала носить его испещренное искушениями сознание и отдавала его тело на растерзание изголодавшейся жажде; каждое утро было периодом раскаяния, очищения, желания изменить свою жизнь, начиная с этого вечера. Вот только по мере течения времени нейромедиаторы, собранные в железной хватке жажды, снова начинали играть с его выводами, аргументами и клятвами.

Забравшись в облако интенсивного горячего пара, он расслабился и дал своей рефлексии волю. Черт возьми, как же было тяжело собрать свои мысли в порядок

после такой ночи. Расположив в своем воображении пункты будущего списка, от стал их заполнять:

1. Вчера он поглотил сознание девушки. Судя по засечкам на руке, это была шестая жертва его жажды. Ему необходимо было срочно решить эту проблему, чтобы никто больше не пострадал.
2. Он начинает забывать. Забывать частицу себя и своих воспоминаний при каждом поглощении. Возможно его сознание вытесняется или переписывается каким-то образом. Единственное что он помнил на данный момент — все началось с его контрактом с Летой. Этот момент сильно застрял в его памяти и нужно внимательно отследить связь с его состоянием.
3. Его ищут. Инстинктивно он чувствовал это. Слишком много взглядов, слишком много звуков, в которых прорезается что-то опасное. Кто его ищет? Лета, чтобы устранить сбежавшую с игровой доски пешку и бросить концы в воду? Министерство, чтобы устранить опасный элемент общества?

Последний пункт подсознательно тревожил его, покопавшись глубже он достал все дрожащий и трепыхающийся страх за собственную жизнь. Абсурдно, сколько бы его сознание не склоняло его к самодеструктивным действиям, инстинкт самосохранения отравлял его спокойствие за такие фундаментальные для биологического существа вещи как жизнь и смерть и заставлял колебаться в той же частоте все его внутренности.

Рациональная часть хотела сдаться Министерству и отдать свой воспаленный мозг искинам на растерзание: уж они-то точно найдут кто стоит за всем этим. Вот только... голоса внутри его головы тщательно сопротивлялись этой мысли. Возможно они просто боялись, что их также подвергнут вивисекции и выкинут из материального бытия навечно. Или... или ему стоит и вправду немного разобраться в собственной голове и сделать выводы на основе полученных воспоминаний.

Пар заканчивался, как и его концентрация. Пора было приниматься за активные действия, прятки более не были опцией: Жажда оказалась сильнее воли и в который раз доказала это прошлым вечером.

Решительность никак не появлялась. Он чувствовал себя настолько разбитым и уставшим, что решительности попросту негде было закрепиться. Сато достал из чертогов сознания то, что спрятал туда прошлым вечером. Злость и ярость захлестнули его, выведенные из клетки и выпущенные на волю. Лета. Он найдет их. Он найдет их и сделает с ними то, что они сделали с ним... а потом... а потом сдастся Министерству.

В груди потеплело при этой мысли, такая последовательность действий показалась ему справедливой и правильной. Он спрятал это тепло глубже и вышел из рециркулятора.

Немного подумав, он закрыл глаза и дописал мысленно еще один пункт:
4. Ему нужно позаботиться об Арти, потому что никого больше у них нет.

Кивнув на этом, он быстрым шагом направился в комнату для проведения сеансов: оставалось не так много времени и нужно было хотя бы немного привести себя в порядок.

Эйфория (сцена с сексом)

Почувствовал небывалое истощение, он выбрался из гостевой комнаты наслаждений и свалился на кушетку. Проходившие мимо куклы озадаченно посмотрели на него, но, не сказав ни слова, отвернулись и занялись своими обязанностями. Копаясь в сознании кукол он так и не нашел грань между эмпатией и программой, видимо в этом и крылась та самая золотая пропорция "инициативно помогать" / "не лезть не в свое дело", которая, казалось, доступна для понимания лишь избранным людям.

Сато вымученно вздохнул и расслабился. Еще один день без Жажды и обливиации, без красных засечек на руке. Он справился.

Посмотрев вслед на кукол, он задумался: если бы Министерство предложило ему стать одной из них: согласился бы он?

"Нет", — прозвучал ответ в его голове.

Заметив его на кушетке, к нему подбежала Арти. Ее сильные руки массажиста перевернули его на спину, и, не дав возможности возмутиться, начала разминать одеревеневшие конечности. Сато ухмыльнулся и повернул голову на бок, чтобы как камбала рассматривать ее одним глазом.

Мутное пятно от солнечного света, включенные волосы и заботливая улыбка со сжатыми от усилия губами. Синяки под глазами побледнели: это приободрило Сато.

Она перешла на шею и он стал жмуриться от приятного жара восстановленного кровообращения. Сияясь не уснуть, он решил поинтересоваться:

— Арти, как твой сон?

— Шшш.

Она надавила на лопатки посильнее и он оставил попытки общаться. Блаженство было таким всепоглощающим, что он все-таки уснул.

Глаза-точки. Глаза-булавки.

"...Ты пришел сюда за галстуком, а получил поводок..."

... Сато резко проснулся и в голове зашумело. Голос в его голове остался и после пробуждения, отчего на языке стало кисло и горько. Он выпил воды и подавил сонливую слабость, обнаружив в нейроинтерфейсе две нотификации: одна с геоточкой от Арти, где она звала его прогуляться на верхнем уровне в парковой зоне, а вторая от Табулы, главы домика и по совместительству профессионального бихэвиор-таролога.

Табула ждать не умела и не любила, так что стоило поспешить. Посмотрев печально еще раз на кушетку, он направил себя к тарологическому кабинету в другом конце домика.

— Хэй-зи, Табула. Слышал, что ты меня ищешь.

— Хэй-зи, Сато. Да, все верно. А ты не торопился, правда? Ничего-ничего, как видишь, я никуда не спешу. Время никогда не было для меня важной материей, не остается и сейчас.

Сато, смотрящий исподлобья в стену над ее плечом, на мгновение перевел взгляд на нее и тихо спросил:

— А что для тебя важная материя, Табула?

— Душа. И все ее хитроумные агрегатные состояния. Присядешь? Нет? А я присяду. Мадам наконец откинулась в кресле и, в блаженстве вдохнув и выдохнув, достала колоду карт, покрытых бесхитростным черным гляncем с обратной стороны. Разделив пальцами стопку на три части, она произвела несколько вращательных действий рукой и смешала их вместе. Голова оказалась наклонена, а глаза широко раскрыты, выстреливая пучки взглядов пронзительной частоты прямо в собеседника.

— Погадаю тебе? Клянусь, выглядишь ты плохо. Тебе бы не мешало разобраться в себе. В своем будущем...

Табула опустила голову еще ниже, так, что немного замутненные по краям линзы очков более не мешали глазам копаться в замеревшем в тени дверного проема Сато.

— ... в своем настоящем...

Он чуть приподнял голову и его опасно заостренный подбородок более не упирался в грудь. Руки инстинктивно потянули за уголки рукавов и скрыли следы красных зазубрин на предплечье.

— ... и своем прошлом.

Тело его невольно дернулось от перенапряжения и Табула, усмехнувшись в нос своей маленькой победе, спокойным голосом произнесла:

— Прошлое значит. Все еще тревожит, правда? Да, парень, загнал ты себя в угол. Бихэвиорал-тарология тут не поможет: то ли ты запрятал самого себя слишком глубоко в свой внутренний чердак, то ли отчаянно противишься самой мысли об этих воспоминаниях. Хочешь поделиться тем, что на душе? Ты же знаешь, я храню тайны так, как никто не умеет в этом муравейнике сплетен.

*Чужие тайны — твое проклятие. Думаешь, я не знаю как тебе хочется им владеть?
Жадная дракониха...*

— Чувствую, что тебе так и хочется мне возразить.

Заметив, как Сато сгорбился и невольно завернулся в пространство тени, она добавила:

— Хорошо-хорошо, не тревожься так, пытаться не буду. У каждого тут свои демоны, я это уважаю. Ты достойный экспонат нашего музея благочестивости и поддерживаешь психосоматический гомеостаз домика. Но если захочешь поговорить, забегай на чай или чего-нибудь покрепче. А сейчас, не будем зря растрачивать энергию колоды, давай разложим твоё будущее.

Сато про себя вздохнул. Он не был уверен, что для него это было актуально.

— Может...лучше настоящее?

— Нет, парень, настоящее тебе и гадать не надо. Вот, забирай. Кажется, это принадлежит тебе.

Табула отправила ему в нейроинтерфейсе несколько документов с тегом "срочно" и зашифрованной подписью министерства.

Сердце Сато ушло в пятки. Он помолчал несколько секунд, разглядывая полное описание свой личности и детальную трехмерную проекцию внешности.

Табула приободряюще причмокнула и надула губы:

— Если бы я только знала такого красавчика, так мигом свою работенку бы бросила. Жаль вокруг меня одни куклы, да подхалимы.

Сато отключился от файлов и удивленно поднял бровь. Табула ему подмигнула и добавила:

— Я тебя не видела, а ты меня не встречал. Разве что в романтических фантазиях. Не забудь своих подруг обнулить, чтобы твоё лицо не всплыло при случайном обследовании.

— Спасибо, мадам. Я многим тебе обязан. Надеюсь, я не создал проблем?

— Не создал. И не создашь, ишь выдумал. И даже не думай сейчас собираться: дай себе пару дней придти в себя и придумать куда пойдешь дальше, парень. Здесь ты в безопасности, о своей территории я позабочусь, но это не значит, что тебя не схватят за моим порогом.

Сато печально улыбнулся и скрылся от глаз мадам.

— Все в порядке, Табула. Ты не должна меня прятать в ущерб всему домику. Я отбуду завтра ранним утром.

Табула начала кряхтеть и ворочаться в кресле. Ей не нравилось то что она ничего не могла поделать. Власть раскрепощает в вопросах выбора.

— Даже и не думай, юсо. Тебе еще предстоит найти убежище. Кстати, про убежище. Я подергала за свои многочисленные ниточки и одна из мух удосужилась отозваться. Зовут Мэгги, с тридцатого яруса. Ей нужен кто-то, способный успокаивать боль после операций с имплантами в клинике. Получила от меня кипу рекомендаций, так что встретит тебя с распростертыми объятиями. Дама экстравагантная, но язык за зубами держать умеет, а в твоём положении это главное. Кредитная линия не позеленеет, но там будет еда и вода, никакого больше кукольного воздержания.

Он покорно закрыл глаза и выдохнул:

— Спасибо, Табула, но я не хочу больше никого подставлять. Это мой путь и мое наказание. Я способен пройти его в одиночку.

Мадам язвительно фыркнула, но потом насупилась и улыбнулась.

— Так тому и быть, но и не думай убежать без благословения на путь. А теперь, давай

погадаем. Сделай приятное даме в годах.

Сато ухмыльнулся и язвительно высказался из угла.

— Табула, все знают, что твоему телу меньше года. Едва ли кто-либо в домике ощущает себя сейчас моложе, чем ты.

— Саго, возраст девушки может и исчисляется по телу, но возраст женщины только по душе. Сядь уже, наконец, негодник. Не заставляй меня закидывать голову и всматриваться в темноту.

Она с азартом подняла колоду, покрутила ее немного в руке, выжидая, пока добыча окажется лицом к лицу и коварно улыбнулась.

Пальцы ее задвигались с необыкновенной скоростью, задерживаясь в середине карты и проскальзывая вниз с грацией опытного иллюзиониста.

Шут. Шут. Шут

Табула ухмыльнулась: расклад обещал быть интересным. Сато скептически вздохнул, но оставил свой комментарий при себе. Он не находил в таких вещах забавы: люди могли найти то, что им хотелось найти и в горстке песка, принесенного из клумбы ветром.

Склонность к подтверждению, — донеслось из глубин сознания.

Сато фыркнул вслух: ему не нужно было знать название того, что он имел в виду.

Табула, принявшая эмоциональную реакцию за критику, шикнула на него и начала зачитывать:

— Ты будешь бежать. Бежать от шестерки. И от себя. Королева найдет тебя и вы станете едины. Ты встретишься сначала с привратником, а затем и с монахом. В конце ты станешь Королем.

— Королем? Ну что ж, остается только посочувствовать моим верным подданным.

— Не ерпенься, amigo. Мои карты не предскажут **как** ты будешь делать свой путь, лишь укажут направление.

— Не знаю, Табула, мне кажется я уже прошел свой путь и достиг финальной точки.

— Тем лучше, querido filósofo, значит ты готов наконец задать себе самый важный вопрос.

— Какой, Табула?

— Зачем ты здесь оказался?

Сато хотел ответить меткой фразой, но понял, что вопрос поставил его в ступор. Если подумать, это действительно то, на что ему стоило спросить у себя еще очень давно.

Почему он здесь? Почему изображает куклу? Почему прячется от себя? Почему делает засечки на руке за каждую жертву своей ночной obsессии, но прячет принятие решение за попытки рационализировать свои страхи?

— Табула, спасибо тебе. Я подумаю.

Она тепло вздохнула и ее обеспокоенное лицо наконец расплылось в улыбке,

— Подумай-подумай. И не забудь забежать ко мне перед выходом.

Полиаморф кивнул и вышел обратно на террасу домика. Кто-то из кукол начал организовывать чайный ритуал и группка церемониальных дронов закружилась в сложном танце, подавая нужные ингредиенты и создавая соответствующую атмосферу.

Сато вспомнил про второе сообщение в нейроинтерфейсе. Он позволил себе пару минут насладиться мыслью о чайной церемонии, потом встал и потянулся перед долгим путешествием на верхние этажи: стоило поспешить, заставляя ждать Арти было невежливо. Какое бы у нее не было железное терпение, все же температура плавления у него была.

Путь наверх оказался более нервным, чем он рассчитывал: окруженный потоком людей, сменяющих друг друга в бешеном ритме жизни средних ярусов, Сато пытался разглядеть среди любопытствующих и поглядывающих на него зевак — охотников. Напряжение усиливалось, когда кто-то из них подходил к нему ближе, пытаясь попасть в феромонную зону: запахи, которые подсознательно выделял его организм в ответ на появляющихся людей для увеличения притягательного эффекта.

Полиаморф вздохнул: вот уж где точно не смешаешься с толпой. К счастью, поднимаясь все выше, количество людей в лифте значительно поубавилось и он глубоко выдохнул.

Сквозь мутный полупрозрачный металл кабинки просачивались последние лучи заходящего солнца. Сато облокотился на одно из мягких сидений и завороченно уставился на оранжевый шар, плавно уходящий за полосу средних уровней. Теперь перед ним мелькали лишь тени небольших домов и вилл верхнего уровня, что не могло не радовать: он еще мог успеть к Арти до захода солнца.

Когда дверь распахнулась и он вывалился на сладковатый пьянящий воздух, его легкие сделали глубокий глоток и насытили кровь кислородом до такой степени, что он чуть было не свалился спать прямо на дороге. Улыбнувшись, он отошел в сторону и дал себе несколько минут, чтобы вобрать внутрь как можно больше спокойствия этого места.

Заповедная зона, в который оказывался каждый гость яруса, имела форму шара и зайдя туда в первый раз, человек непременно впадал в ступор, не понимая, почему горизонт не имеет конца, а зеленые поля окружают его со всех сторон. К сожалению, зеленая часть яруса быстро приходила к концу и дальше начиналась жилая зона, занятая некрупными домами с очень аккуратной деревянной отделкой. Это, естественно, ничего не говорило об их настоящем размере.

Через эти дома и проходил его путь к точке, которую он открыл много лет назад. Немного нахмурившись, он стал вспоминать дорогу, которая казалась ему запутанной и сложной, хотя этот путь он проделывал множество раз.

Сделав несколько кругов по тропинкам, Сато стал отчаиваться, но неожиданно он заметил Арти, которая, видимо, решила поискать своего спутника.

"Или уйти", — подсказало сознание. Мысль была неприятная, но наиболее вероятная.

— Сато? Что случилось? — она обеспокоенно посмотрела на его озадаченное лицо.

— Я... потерялся. Прости, что так задержался. Солнце уже успело скрыться.

— Все прекрасно. Солнце меня не волнует, иначе позвала бы его, а не тебя.

Она кокетливо наморщила нос и взяла его под руку.

— Как пообщался с Табулой?

— Откуда ты?... а, ну конечно. Это все тайные сплетни кукольного домика, в которые меня не посвящают, — он шутливо обиделся, смеясь одними глазами.

— Именно так! Кукольные сплетни для кукол! — Арти весело потянула его за собой, но Сато замедлился и внезапно нахмурился.

— ... Хотел с тобой об этом поговорить. Как человек с человеком.

Арти поймала его настроение и наступило неловкое молчание. Сато не знал с чего начать: слова плавали в первичном бульоне смыслов, но их сочетания были значимы лишь статистически, не находя отклика в голове.

Девушка прислонила указательный палец к его губам, сделав жест тишины и повела его за собой. Добравшись до

— Я считаю себя куклой по той же самой причине, что и ты.

— Ты скрываешься от кого-то?

Арти посмотрела ему в глаза: ее серебрянные зрачки выглядели неестественно, но лишь из-за отражения луны, затмившего взгляд.

— От себя. Я же сказала, что у меня те же самые причины жить в кукольном домике.

Сато взволнованно произнес:

— Но... почему? Что произошло? Это как-то связано с тем воспоминанием?

Арти отвернулась, облокотилась на заросший виноградом поручень террасы и грустно улыбнулась.

— И да, и нет.

Сато поразило внезапное озарение. Слова вырвались раньше, чем он рассчитывал на это:

— Это связано со мной?

Арти повернулась к нему, и тихо засмеялась. Наклонившись к нему, она поцеловала его в щеку и вернулась к наблюдению за уже окончательно потемневшим небом, пробормотав:

— И да, и нет. Это связано с тем, что со мной произошло, как я стала себя воспринимать и кто мне стал близок. Куклы — потому что я стараюсь зарыться глубже в себя, спрятать свои эмоции как можно дальше под панцырь и оставить снаружи только оболочку, программную часть, созданную коллективным бессознательным.

Полиаморф внутренне напрягся и заставил себя развить эту тему, хотя он уже чувствовал как у него все сжимается внутри. Это было даже хуже, чем делать кровавые засечки на руке.

— И как давно ты прячешься?

— Настолько давно, чтобы начать забывать, что я человек. Чтобы спрятать все свои мысли в шкатулке, закопать их глубоко-глубоко и забыть где я это сделала.

Сато ощутил необыкновенную близость к ней. Электростатическое притяжение своей одиозной души к ее хрупкому и скромному обаянию. Они оба скрываются под личиной куклы... вот только его мотивы более корыстны и меркантильны: он просто пытается выжить, сбежать, спрятаться. Сато склонил голову и отошел глубже в тень.

Арти заметила его реакцию и не на шутку рассердилась. Она схватила его за руку и вывела из темного пятна между крышей и углом здания.

— Почему ты опять прячешься! Не смей прятаться в тень и уходить в себя, в момент, когда мы наконец решили поговорить на эту тему! Ты еще ничего не знаешь, чтобы делать выводы.

— Я достаточно хорошо знаю себя...

Она мгновенно остыла, глубоко вздохнула полной грудью и наклонила голову.

— И что же о себе ты знаешь?

Арти мягко коснулась его щеки и приподняла лицо, так, что луна залила светом его от подбородка до переносицы.

— Как тебя зовут? Попытайся вспомнить.

Он непонимающе нахмурился, но выполнил просьбу. Имя застыло в его голове. Он помнил, как подписывал контракт и как на нем значилось это имя. Да, несомненно это именно оно.

— Сато.

Девушка скептически поджала губы и, держа его за шею двумя руками произнесла:

— А что, если я скажу, что еще пару лет назад знала тебя под другим именем?

Он шарахнулся от нее и уставился ей в глаза. Она не могла знать его два года назад. Два года назад его еще не существовало. Существовал лишь его оригинал. Человек, которого он ненавидел всей душой. То что получилось из его останков не должно было продолжить жить.

Арти кивнула, подтверждая, что его мысли оказались похищены.

— Ты был человеком, как и я. Какой бы путь мы не прошли, как бы не изменилась наша природа, мы остались людьми — помни об этом.

Они замолчали. Луна

— Ты умеешь читать мысли?

— Нет, только чувствовать их настроение. Может быть немного ощущать их смысл. Знаешь, как слышать в мелодии определенные ноты, не обладая абсолютным слухом?

— А воспоминания?

— Нет. Но для этого ведь и есть рот, правда?

— Ты покажешь мне что случилось с теми людьми в воспоминании?

Сато прикоснулся к ней... и утонул в водовороте воспоминаний.

Кира размяла затекшую от продолжительной работы шею и с неудовольствием шагнула через порог церкви. Здание, слава богу, освещалось не от энергии ветряков, а сотней маленьких свечек, расставленных по лампадам. В обогреве оно также не нуждалось: люди, набившись в здание, повышали температуру внутри на несколько градусов до комфортной.

Ветряки ее просто убивали. Мало того, что починенные панели не позволяли контролировать угол наклона лопастей и поворот лопастей по ветру, так еще и катушка генератора работала на последнем издыхании, не вырабатывая и половины положенной энергии. И даже это не было проблемой, который нельзя было бы решить.

Чертовы лопасти негде было изготовить и купить, а это уже было проблемой посерьезнее увеличения КПД. Их счастье, что за окном было только начало осени. Но время шло, а теплее на улице не становилось, так что стоило поставить Ари перед фактом, что им придется заменить всю систему энергоснабжения. Серьезная трата, возможно самая крупная со времени основания поселения, но лучше залезть в долги, чем умереть от голода и холода.

Пастырь стоял за трибуной и светился от счастья: его радовала та самая суетливая шумная аудитория, которая наполняла собой сейчас скромные залы церкви.

Кира улыбнулась: его неподдельная доброта к членам общины захлестывала ее раздражение и смывала волной безусловного оптимизма. Они справятся.

Пастырь привлек внимание всех и начал свою речь с итогов недели. Итоги были вполне обыденны, но Ари сконцентрировался на самых смешных фактах их трудов, поэтому когда его речь затронула восхитительный урожай картофеля, который по

ошибке был собран детьми на несколько недель раньше времени и состоял теперь из двух килограммов тонких желтых стручков, Кира застала себя хохочущей в голос вместе с остальной общиной.

Такие моменты заставляли их почувствовать почему маленькие поселения были важнее жизни в городах. Почему их цель — свободная от плодов сингулярности жизнь, так сильно откликается внутри.

Кира невольно бросила взгляд на Никоса: молодого мужчину, которого несколько дней назад привезли из города. Он с удивлением смотрел на происходящее и непонимающе улыбался. Ему предстоит еще много недель или месяцев до того, чтобы наконец почувствовать себя в общине. На его бледном лице уже появился румянец и теперь его вполне можно было назвать привлекательным. За исключением разве что длинного шрама, который тянулся над ухом и обнажил безволосую область почти до затылка.

Она сочувствующе вздохнула: удалить импланты не значит избавиться от города и влияния бездушных машин. Основной нейроимплант не может быть отключен от нервной системы... увы, люди, рожденные в городе, навсегда отдают частицу себя как аванс за душу, которую отдадут дьяволу в будущем.

Кира заметила, что слишком засмотрелась на своего нового собрата и теперь он рассматривал ее в ответ. Любопытство... и тревога. Его фиолетовые зрачки, несомненно продукт генной инженерии, иногда срывались с места и бросались на группы смеющихся людей, будто волнуясь, что смеются сейчас над ним. Да, такие как он долго приживались в общине: их инстинкты выживания создавали в воображении нелепые заговоры и интриги, вызывая недоверие. А недоверие могло годами не пропускать новый дом в их сердца, заставляя мучиться от неопределенности.

Внезапно Ари привлек внимание совсем уж расшумевшейся толпы прихожан и начал рассказ-проповедь. Тихий голос требовал тишины и тишина его нашла. Все любили эту часть, в которой пастырь повествовал о городе и его дьявольских изобретениях. Каждая из них рисовалась в их головах как что-то мерзкое и запретное, каждая из них вызывала отторжение и сплочала их в этой маленькой церквушке, где правда могла быть произнесена вслух и тысячи глаз и ушей не слушали и не следили пристально за ними.

"Сегодня я расскажу вам про нового человека. Человека города. Человека из машины. В городе их называют полиаморфами.

Помните ли вы мой рассказ про бессмертие тела и проданные души? Да. Машины ушли еще дальше. Недовольные несовершенством природы и творением бога, они решили сделать апгрейд: усилить самые, по их мнению, важные качества человека. Получившееся существо является бесполом организмом с врожденными имплантами и синтетическими органами. Существо обретает новую жизнь и его "

- Никос, доброе утро. Как тебе наши приходы?
- Отличные, пастырь, мне понравилась речь про итоги недели. Я не все понял, но мне кажется, это подняло всем настроение и зарядило энергией.
- А что ты думаешь про часть с рассказом про полиаморфов?
- Пастырь, я... не совсем согласен с некоторыми утверждениями. Мне доводилось общаться с полиаморфами и их едва ли можно назвать чем-то дьявольским. Это осознанный выбор самих людей и их жизнь поменялась к лучшему, когда они нашли свой путь в помощи другим людям.
- Я понимаю, Никос, что тяжело за считанные дни изменить свой взгляд на вещи, к которым ты привык. Но разве ты не бежал сам от машин, когда караванчики тебя нашли?
- Так и было. Только я бежал не от машин, а от одиночества.
- Разве не машины заточили людей в капсулах? Создали для них
- Боюсь, что это сделали сами люди, пастырь. Машин — детище людей и детище искренне любящее и заботящееся о своих родителях.
-

Кира пристроилась недалеко от говорящих и внимательно прислушалась. Сделав пренебрежительное лицо и уведя взгляд на злосчастные ветряки, она, тем не менее, сконцентрировалась на беседе.

- Никос, машины отобрали у людей самое важное — единение с природой. Люди уже не просто не знают что находится за границей города, они сами отрицают свою причастность к богу. Смена тел, хранение сознания в хранилищах, жизнь в нейросфере — все это лишь разделило людей и сделало их одинокими. Ты далеко не первый, кто сбежал из города и это лишь доказывает, что этому месту очень далеко до рая обетованного. А то что машины занимаются евгеникой, поощряют грехи, забирают душу в обмен на бессмертие, доказывает, что это дьявольские отродья.

Пастырь решил отдышаться, а его собеседник задумчиво замолчал. Он согласно кивнул пастырю, но добавил:

- Арион, спасибо тебе за паству. Я подумаю над тем, что ты сказал, это достаточно большая порция пищи для размышлений.
- Конечно-конечно, не спеши. Ты еще освоишься, а сейчас наслаждайся братством людей и матушкой природой.
- Пастырь, я хотел бы быть полезен этому обществу, а не висеть мертвым грузом на его плечах. Я уже физически окреп и готов взяться за работу.

Арион задумчиво потеревил нижнюю губу и огляделся. Заметив Киру, он махнул ей рукой и улыбнулся.

- Кира! Ты не могла бы подойти к нам?

Девушка дернулась и поняла, что обращаются к ней. В нерешительности она шагнула к двум собеседникам.

— Кира, ты уже знакома с Никосом?

Никос ответил первым. Уверенная ухмылка, заведенные за спину руки.

— Мы знакомы. Более того, я уверен, что Кира уже в курсе деталей нашего разговора.

Девушка неожиданно для себя покраснела и гневно посмотрела на новоявленного члена общины. Мгновенно остыв и взяв в себя в руки она вопросительно посмотрела на Ари. Тот перевел взгляд между своими собеседниками и объяснил:

— Кира, Никос хотел бы взяться за работу, и, к нашему счастью, он говорит, что имел опыт инженерии в городе.

— Какого рода инженерии?

Никос выдохнул и с неудовольствием произнес:

— Автоматизация телопроизводства. Немного прикладного материаловедения и производства синтетических материалов.

Пастырь нахмурился, а у Киры брови поползи на лоб. Мысли смешались и теперь корыстная часть боролась с нравственной. С одной стороны, хотелось откреститься от такой помощи и посоветовать заняться в общине чем-то более этичным. С другой стороны, чертовы ветряки... и лопасти!

Слова вылетели до того, как успели пройти нравственный ценз:

— А ты умеешь работать со сверхлегкими композитными материалами?

Никос с удивлением задумался и пробормотал:

— Да, если бы у меня были исходники и автоматизированная станция по высокотемпературной обработке...

Кира поняла, что услышала то что хотела, поэтому быстро повернулась к Ари, который не успел еще ничего сказать.

— Ари, я знаю о чем ты думаешь. Нет, мы не будем продавать душу машинам, создавать новые тела или делать что-то глупое, мы просто починим те ветряки, которые стали бутылочным горлышком нашего выживания зимой.

Ари улыбнулся и настойчиво посмотрел на нее:

— Обещаешь?

— Обещаю, Ари.

Взяв Никоса под руку, она повела его в сторону своей мастерской, задавая непрерывающийся поток технических вопросов.

Пастырь покачал головой им вслед и двинулся обратно в церковь, где его ждали свечи, книги и размышления.

Сато очнулся на террасе, когда последние лучи уходящего солнца скрылись за дверью ночного неба и луна теперь наслаждалась своим одиночеством. Звезды, не смеющие перечить монополии желтого светила, прятались за пухлыми облаками и тучами, коими славился Лондон-центр еще с давних времен.

Арти сидела рядом на земле и облокачивалась ему на спину. Он чувствовал ее спокойное дыхание и мягкие волосы, которые нежно щекотали шею. Обернувшись через плечо, она посмотрела на ветки, которые качались на ветру и отбрасывали быстро сменяющиеся тени.

— Сато?

— Да?

— Наши воспоминания как быстро сменяющиеся тени.

— ...

— Являются лишь непостоянной проекцией реальности.

— Красивая метафора.

— Ага. Я тут подумала... Знаешь почему ты не помнишь части своего прошлого?

— Почему?

— В твоей голове так мало светлых мыслей, что ты просто не видишь тени воспоминаний.

Полиаморф повернулся к ней и посмотрел ей в глаза. Она протянула ему руки и когда он взял их, они оказались мертвенно ледяными. Сато улыбнулся и начал нагревать свои ладони, посылая мысленный импульс и задействуя физическое взаимодействие для стимуляции кровообращения.

Он понял, что температура в городе уже снизилась на несколько градусов до ночной: стабильно установленные 19 градусов, что было оптимальным для него, но для девушки в легком балахоне — прохладно. Пора было возвращаться в домик.

Так странно, ни следа Жажды. Он с удовлетворением подумал, что общество Арти действует на него успокаивающе.

— Перекусим?

Сато вспомнил о том, что давно ничего не ел. В животе заурчало, но он решил, что в его ситуации вначале всегда должен идти здравый смысл.

— Прости. Я не хочу портить наш прекрасный вечер и подвергать тебя опасности. Боюсь, что ближайшие дни мне нужно осторожно выбирать где появляться на публике.

— Хорошо, понимаю. В таком случае приятной тебе ночи. Встретимся в домике!

Арти поцеловала его в щеку и улыбнулась напоследок. Сато закрыл глаза и сделал то, что не делал с рождения. Помолился богу, чтобы он не забыл ее и этот вечер.

Ночной Лондон-центр был прекрасен во всех частях без исключения. Сато в очередной раз убедился в этом, проезжая сквозь него, через самый сердечник, в полупустом общественном лифте, который делает остановки практически на каждом ярусе и поездка занимает не менее часа.

Наслаждение поездкой было не искусственным: он чувствовал тепло от меланхолических темно-синих пейзажей, спокойных улыбчивых людей, возвращающихся к себе домой, легкого ветра, вымывающего все дурные запахи и мысли с пустынных улиц. Сато что-то почувствовал: эхо воспоминаний. Он уже думал когда-то о мысли, которая пробивалась сквозь границы сознания: люди не ценят вещи, которые им по-настоящему важны, пока не лишаются ее. Он не ценил умиротворение, пока это не стало недостижимой роскошью.

Додумать мысль ему не позволили. Пролетающие на одном из средних ярусов дроны заставили его скрыться в тени и вынырнуть оттуда только через полчаса на спокойных нижних ярусах, которые снова заволочло туманом.

Туман нижних ярусов был сущностью практически мистической: ретрофутуристичная фиксация погодного явления с добавлением щепотки пост-сингулярного бунта. Наночастицы не позволяли радиосигналам пробиваться сквозь белую дымку и заставляли дронов слепнуть. Туман поглощал несколько десятков ярусов и наиболее плотно концентрировался в месте, которое называли Лимбом. Лимб был слепым пятном для любого обитателя города: погружаясь в него, человек оставался наедине с собой, со своими мыслями, в частичной депривации.

Кто стоял за этой технологией никто не знал, но по какой-то причине убирать ее не собирались: Сато считал, что ответ прост: в каждом городе должна быть своя серая таинственная зона, где люди могут оставлять свои тайны, иначе город попросту не будет... живым.

Как куклы: куклы не персонализировали себя, не хранили секретов, поэтому их не считали "живыми". Сато знал, что это не так, но их природа была также чужда дня него, чтобы понимать эти создания, как бы он не старался походить на них.

Сато решил подождать еще немного и зайти в одно из знакомых мест, где он бывал не так часто, чтобы оно стало его постоянным обиталищем, но и не так редко, чтобы персонал попытался запомнить его лицо.

Яркий свет, броский геомаяк с информацией в инфосфере, вызывающий интерьер и кухня, построенная на имитации вкусов и стимуляции органов чувств. Генеративная кухня зазывала своей идеей гастрономического приключения: случайная комбинация ингредиентов, которые могут быть получены только синтетическим путем и собранных в соответствии с формулой гастрокOMBинаторики. Вот только хитрый вкусовой рецептор теперь привыкал не к самим ингредиентам, а к этим самым способом их сочетать, что сослужило дурную услугу гурманам, сделав их язвительный скептицизм внезапно объективным.

Еда. Единственная безопасная радость, доступная Сато за годы. То что отличало его от куклы и то что добавляло маленькую приятную рутину в серые будни борьбы с собой.

Сегодня ему выпало... он замер с меленькой коробочкой и ее содержимым в руках. Не делая резких движений, Сато осторожно повернул голову и заставил себя посмотреть в дверной проем через его отражение в блестящем металлическом принтере напитков.

Знакомый профиль лица. Он быстро прокрутил в памяти имена и выудил нужное. Кэти, Вик, Министерство.

Бежать. Тебе нужно бежать.

Сато задумался. Разве это не будет решением его проблем?

Нет. Сначала найди того, кто сделал это с нами. Найди его.

Голоса в его голове звучали громче, чем обычно. Они буквально разрывали ее на части, жужжа и вибрируя, реверберируя от стенок и заставляя эхо повторяться снова и снова.

Сато аккуратно положил коробочку обратно на стойку, делая вид, что отходит в уборную. По пути туда, он изменил траекторию, встроился в группу людей, которые что-то активно обсуждали, и вышел через дверной проем наружу.

Конечно она заметила его. Она была охотницей. У таких хищников есть нюх на жертв, которые пытаются от них ускользнуть и в страхе выделяют кислый пот.

Мысли в голове закрутились, ему показалось, что она стоит прямо за его спиной, смотрит на него и готовится дать сигнал гончим. Сато буквально почувствовал, как

они окружают его, заманивают в ловушку, чтобы избавиться от назойливого паразита, нарушителя спокойствия. Если он не побежит, Гончие вцепятся в его тело и выпустят на волю Жажду, тогда его сознание уже точно не спасти.

В этот момент, Сато инстинктивно сделал то, что делать нельзя было ни в коем случае. Он обернулся, пытаясь удостовериться, что обречен.

Кати почувствовала взгляд у себя на спине и обернулась. Они встретились глазами... и время остановилось. Туман, яркие огни, праздный шум с кухни и две пары глаз, уставившихся друг на друга, в надежде, что...

"я просто хочу оказаться подальше отсюда..."

"подальше отсюда..."

"на террасе перед звездами и луной"

"в баре под луной"

"наедине с собственными мыслями"

"и собственными демонами"

Кэти подавила вздох. Он не был ее жертвой. Вот уже неделю она искала свихнувшуюся Гончую, которая помечала министерскими геометками случайные кафетерии в Лимбе.

Можно было не продолжать себя убеждать, что охота в Лимбе приведет к каким бы то ни было полезным результатам: поймать Гончую в ее естественной среде обитания было невероятно сложно, даже используя ее собратьев.

Полиаморф... она видела его у Вика, а затем в логове Эйчера. Министерство разыскивало его, у нее и самой было несколько вопросов к нему.

Как же чертовски не вовремя: она хотела спокойно перекусить и поразмышлять. Кэти снова вздохнула и отвернулась от полиаморфа.

Пусть уйдет и почувствует себя в безопасности, так она узнает о нем больше. Она осторожно наклонила взгляд и посмотрела в отражение стенки небрежного протертого принтера для напитков. Жертва ушла. Ее порядком ослепший дрон в маскировочном поле последовал за ним.

Туман изредко досаждал министерской технике, а его польза для охоты была значительно больше: она всегда знала где искать провинившуюся и наследившую жертву. Иллюзия безопасности действовала исключительно хорошо.

Кэти выбрала один из стульев и скривилась, увидев, что ей досталось в коробке. Не повезло. Она уже привыкла к этому.

Взяв приборы, она принялась задумчиво жевать. В голове копошились воспоминания, но только обрывки, куски, не находя начала или конца, не связываясь в единую целостную цепочку. Это тревожило ее. Возможно с ее последним телом происходили какие-то неполадки, хотя последняя ежедневная проверка показывала прекрасные результаты.

Фоновая тревога внезапно накрыла ее и еда окончательно потеряла вкус, хотя Кэти не могла говорить уверенно, был ли он у блюда изначально.

Вызов дрона.

"Дрон переведен в автоматический режим".

Кэти задумалась. Ничего удивительно, всего-лишь туман.

Ничего удивительного. Она оглядела полупустое кафе и со вздохом решила попытать счастье в поисках Гончей, перед тем как отправится в свои апартаменты.

— Ночь. Меня зовут Кэти и я являюсь охотником МСИП. Вы владелец этой кухни?

— Ночь, Кэти. Да, зовут Честер. Чем могу помочь?

— Честер, к вам не заходила на днях Гончая?

— Ммм, нет, они такую еду не жалуют, да и, признаться, я рад. Какое удовольствие готовить для этих... существ.

— Хорошо. Может быть происходило что-то... необычное?

— Необычное? Это же Лимб, здесь по пальцам пересчитать обычные дни.

— Понимаю. И все же... что-то экстраординарное?

— Ммм... нет, из такого ничего.

Кэти разочарованно вздохнула. И так уже который раз: геометка и больше ничего. Между тем, эти метки значительно вставляли палки в колеса розысков, нужно было заканчивать с этим как можно скорее.

Кэти собиралась уже уйти, как решила попытать счастье с другой жертвой.

— Честер, а тот полиаморф, что был здесь пятнадцать минут назад, он часто сюда заходит?

— Бывает иногда. Берет одно и тоже, уходит с печальным видом. Не думал никогда, что найду печального полиаморфа: я думал они гедонисты.

— Он не показался вам подозрительным?

— Подозрительным? Они все кажутся мне подозрительными...

Кэти осуждающе посмотрела на него и он передумал говорить то что хотел сказать, задумался.

— ... хотя есть кое что. Один раз он зашел с человеком, в новом теле, с имплантами: явно из контентщиков. Я бы не запомнил, но они начали целоваться и я их попросил уйти в задние ряды. Не очень приятное зрелище эти полиаморфы и их амурные дела.

Кэти молчаливо кивнула. Это очень мягко сказано, владелец явно старался выбирать выражения.

— так вот этот человек на днях все расспрашивал меня, не появлялся ли здесь этот полиаморф и пообещал жирную гиометку в инфосфере на мое кафе, если я маякну.

— И...

— Я его, разумеется, послал. Не люблю контентщиков, да еще и корпоратов. Я из трансгуманистов и состою в...

Кэти резко прервала его рассказ настойчивым взглядом.

— Да, так вот сегодня он сам появился, через пару минут после того как пришел этот полиаморф.

— Полиаморф его заметил?

— Да, посмотрел на него в упор и прошел мимо. Как-будто это и вовсе другой человек.

— А что тот?

— Оживился и начал дергать своих компаньонов. Кажется они ждали его.

Кэти начала быстро заводить свой внутренний моторчик. Описанный человек, безусловно, был не из министерства. Охотники не делают таких глупых ошибок.

— Когда этот человек вышел из кафе?

— Через пару минут после полиаморфа. С ним, кажется, вышли и его дружки.

"Сколько?" одними глазами спросила Кэти.

"Трое" показал пальцами владелец кафе.

Кэти начала думать ногами. Кивнув напоследок Честеру, она выбежала из здания.

Пробежав мимо ларьков с раритетными шлемами виртуальной реальности, она обогнула музей аналоговых устройств и краем глаза успела заметить толпу людей, окруживших кайдзю-установку с названием "Дамоклов меч" и тянувшихся ручьем ко входу в готическое здание, видимо служившее раньше церковью эскапистов.

Выкинув из головы воспоминание про эту вымершую религию и из нейроинтерфейса огромный баннер рекламы монстроидального архаичного девайса, она побежала по следу от дрона на территорию логистического склада.

Склад был явно заброшен: туман, застилавший бесчисленную грядку контейнеров, укрывал его от трудолюбивых манипуляторов дронов и складских установок. Идеальное место, чтобы затаиться на время, пока тепловые и информационные следы не выдадут локацию жертвы.

Кэти с неудовольствием обнаружила дрона, валяющегося на углу сортировочного здания. Едва ли его можно было восстановить: пытаясь оторваться от действий тумана, он взлетел достаточно высоко, но, видимо, врезался точно в каркас строения и упал с огромной высоты.

Наблюдатель оставил ей изображения полиаморфа и преследователей. Кэти мгновенно переслала их гончим и сменила цель охоты. Стоило позаботиться об успехе погони, которую она вела, а разбрасываться ресурсами она не любила.

След был потерян, но сдаваться она не планировала. Территория склада была хороша для того, чтобы скрыться от преследования, а значит ее жертва таилась где-то неподалеку, стоило только немного поразмыслить и сложить все данные и ресурсы...

... Сато услышал короткий треск за спиной и сделал инстинктивный рывок вправо. Прилив адреналина ускорил его бег, но затуманил взгляд, отчего он чуть не пропустил нужный поворот и не угодил в тупик.

Его преследователи скорее всего не имели представления об этом месте, иначе бы уже давно разделились и поймали его, зайдя с флангов параллельных дорожек. Это вселяло надежду, хотя Сато старался не думать об этом: все мысли его были сконцентрированы на навигации.

Минуту спустя его посетила случайная мысль, что треск явно предназначался не для него. Он прозвучал далеко, будто бы преследователи выстрелили парализатором в обратном направлении.

Кэти? Охотница решила преследовать его? Или его преследователей? Впрочем, разницы нет. Поймай его Министерство, едва ли они выпустят его на свободу. С другой стороны, если получится схлестнуть их друг с другом...

Полиаморф не позволил себе отвлечься, поэтому в нерешительности, трясущимися от возбуждения руками, начал шарить по внутренним карманам куртки. К его удивлению, пальцы заскребли по маленькой коробке с орешками, которые он спрятал прошлым вечером.

Восторженное осознание маленькой победы затмило его разум и он чуть не выронил коробку. Нет, это было бы глупо: преследователям ничего не стоит подобрать с земли упаковку, но он очень сомневался, что они будут останавливаться и соскребать с

дороги растоптанные орехи. Сато кинул перед собой горсть жаренных кешью и с неистовством напрыгнул на них ногами, не замедляя даже на мгновение темп.

К сожалению, он не увидел лиц громил, пытающихся наверное сейчас осознать что за трюк он решил провернуть. С другой стороны, он предпочел бы и вовсе не встречаться с ними лицом к лицу.

... Кэти решила бежать дальше, проложив траекторию погони прямой линией через упавшего дрона. Оставалось надеяться, что полиаморф и преследователи не будут часто сворачивать в незнакомой местности.

Спустя пару минут бега ее поиски были вознаграждены свежим следом: на стерильно чистой поверхности дорожки были рассыпаны и растоптаны орехи. Странный знак: значит ли это что полиаморф был схвачен или что он пытается помочь ей себя найти?

Кэти решила бежать дальше, сформулировав гипотезу, что если бы полиаморф был схвачен, возможно она услышала бы звуки сопротивления или крики.

Бэджер. Бэджер мог бы помочь с картами, но чертов туман сгустился так, что она перестала различать очертания зданий и контейнеров вокруг. Дронов у нее не было, а Гончие остались где-то позади.

Кэти закрыла на мгновение глаза и вздохнула. Сосредоточившись на деталях охоты она позволила себе медленно остановиться, умерить буйство адреналина и унять растущее беспокойство.

Так легко забыться в потоке действий, принять погоню за охоту. Полиаморф и корпораты опережают ее лишь тогда, когда она принимает их игру и гонится за ними. Чтобы одолеть жертву, нужно позволить ей идти прямо в ее руки.

Она остановилась, осознавая, что с каждой минутой шансов на поимку полиаморфа и его спасение становится все меньше...

... Парализатора у преследователей не было. Это Сато понял в тот момент, когда его путь стал представлять собой узкий проход между многоэтажными контейнерными нагромождениями и он был легкой целью. Возможно им было важно, чтобы он был в сознании, когда они поймают его. Что ж, скорее всего именно это и позволяло ему растягивать свою участь так долго.

Неожиданно его путь перегородила глухая металлическая стена и он еле удержался, чтобы не врезаться в нее. Мгновенно среагировав, он побежал налево, краем глаза

заметив, что преследователей стало меньше. Видимо кто-то из них бросился ему наперехват.

Дорога вдоль стены территории начала расширяться и Сато напрягся, уже понимая что его ждет в конце: резкий рывок к станции и попытка затеряться в толпе. Успех зависел от его возможности вбежать в поток людей раньше преследователей.

Сзади послышался шум и Сато инстинктивно обернулся. Один из громил достал мануальный станнер, видимо чтобы обездвигить его. Полиаморф усмехнулся: им предстояло еще потрудиться, чтобы...

...Огромное плечо врезалось ему прямо в грудь и боль пронзила все его тело.

Кэти стояла у выхода, когда услышала шум.

Осознание того, что территория имеет квадратную форму и окружена стенами привело ее к главному выходу, который оказался в точности напротив широкой дороги, ведущей к разгрузочной станции.

Не учла она только то, что преследователи могут разделиться и перехватить полиаморфа до того, как он выбежит из тумана прямо в ее капкан.

Быстрым шагом она добралась до источника шума и увидела там двух громил, навалившихся на скрюченную фигуру полиаморфа и худого человека, с нетерпением наблюдавшего за процессом обездвигивания. В руках он держал инструменты для имплантации. Мда, нешуточной поворот, может случиться, что несколькими минутами позже вопросы спрашивать будет уже не у кого.

Пора вмешиваться.

Кэти вышла из тени контейнера и уверенным шагом подошла к худому корпорату, который вздрогнул и сделал знак своим подопечным, чтобы они остановились.

Полиаморф застонал, что было хорошим знаком. Она успела, осталось всего-то захлопнуть капкан.

Самое сложное.

Ловить жертв было не просто, но делать она это умела и любила, а вот манипулировать словами, убеждать и при этом держаться на грани собственных полномочий не было ее сильной стороной.

И все же, были и плохие дни.

— Кэтрин. МСИП. Я забираю это полиаморфа.

Щуплый парень неприятно повел правой щекой и изобразил подобие уверенной ухмылки. Она мысленно назвала его Гарри. Привычка давать выдуманные имена изрядно упрощала социальную жизнь охотника.

— Вы не можете этого сделать. Поимка временного сотрудника "Леты", Сато, была зарегистрирована и авторизована в министерстве. По условиям договора, мы осуществляем поиск и задержание.

Сато. Лета. Договор. Связь найдена, но только что она объясняет. Ладно, всему свое время, нужно вначале что-то срочно придумать.

— Покажите мне подтверждение регистрации охоты в министерстве и договор.

— Боюсь, что договор...

— Да-да, я знаю. Приложение к договору, пожалуйста.

Гарри с неохотой поднял зрачки и начал отправлять ей документы в нейросфере. Громилы немного расслабились и Кэти решила воспользоваться ситуацией, чтобы подобраться к полиаморфу поближе.

Она ненавязчиво прошла вдоль стены и облокотилась на нее недалеко от громил. Им достаточно было одного взгляда, чтобы потерять позиции в ситуации. Она кожей чувствовала, как им не хотелось иметь дела с министерством и как они хотели уйти оттуда.

Но Гарри... Гарри чувствовал себя на высоте. И в этом он был прав, все карты были не в пользу Кэти.

Она загрузила контракт в агента и тот вкратце ответил на ее вопросы, подтвердив наихудшие опасения. Дело плохо.

Кэти воспользовалась случаем трезво окинуть взглядом сцену еще раз, пытаясь найти в ней что-то спасительное для их ситуации. Полиаморф как-то заговорчески на нее посмотрел и она поймала его взгляд. Его нейросферу явно глушили: все что она смогла различить было лишь набором информационного шума.

Какой-то предмет, спрятавшийся около двух громил Леты и лежащего полиаморфа привлек ее внимание. Подойдя поближе, Кэти рассмотрела эми-болт для сбивания дронов.

Мерзавцы! Теперь понятно почему дрон валялся грудой металлолома некоторое расстояние назад. Не было ни единого шанса доказать...

— Кэтрин?

Она забыла про своего оппонента. Он вопросительно поднял бровь и явно желал избавиться от нее как можно раньше.

Кэти глубоко вздохнула и искренне пожелала полиаморфу протянуть еще полчаса, пока она будет делать запросы в министерство или на худой конец Бэджеру, как только выберется из чертового тумана.

На границе сознания маякнула нотификация. Гончие. Нет, они точно не перевернут ситуацию, только усугубят ее. Не хватало еще, чтобы они схлестнулись и на следующий день министерство отправило ее консервой под город.

Кэти направила свои ноги к выходу, нервно постукивая пальцами по ноге. Проходя мимо громил, она грозно посмотрела на них и отвернулась...

Вспышки боли перемешивались с яркими всплесками гормональных качелей. Грудь болела, сосуд внутри наверное был поврежден и теперь его голова раскалывалась от воспоминаний и эмоций, которые поселились в нем когда-то.

Сато увидел, что Кэти повернулась к выходу и оставила попытки перевернуть ситуацию в ее сторону. Он не винил ее, не хватало, чтобы она тоже пострадала из-за него.

И все же... возможно он сможет как-то обострить ситуацию, чтобы выбраться из передраги. То что они хотели с ним сделать явно выходило за границы допросов и ограничения свобод.

Сато осторожно перелил внутри себя часть эмоций и соединил их в единый поток. Ярость вырвалась на свободу и тело с радостью откликнулось, задействуя затекшие мышцы. Ему нужен был только один короткий рывок. Один короткий рывок до Кэти...

Внезапно за спиной послышался шум и один из громил присел, охнув. Что-то врезалось ей в плечо и чуть не повалило навзничь. Кэти мгновенно обернулась и перехватила нападавшего — полиаморф, прыгнувший на нее на таран, упал и валялся сейчас в грязи у ее ног. Вид у него был плачевный: скорчившийся и с побелевшим лицом он теперь еще меньше походил на человека.

Кэти потребовалось какое-то время, чтобы осознать что произошло и этим временем чуть было не воспользовались сотрудники Леты, но она быстро отшатнулась от громил и повлекла за собой полиаморфа. Тот мучительно застонал, хотя очевидно понимал, что теперь находится в относительной безопасности.

— Нападение на охотника министерства, — Кэти оскалилась, стараясь показать весь набор зубов своим оппонентам. Все перевернулось с ног на голову и теперь она ощутила прилив энергии от пребывания в своей стихии — доминировании.

Наклонившись над Сато, она медленно произнесла отрепетированную речь, наслаждаясь каждым словом, закрепляющим ее обладание ситуацией.

—

Кэти позволила себе мстительную улыбку. Хорошо сыгранная партия, хотя результат стоило закрепить. Глядя на кипящие от злобы лица громил она сделала мысленный сигнал Гончим и их кровожадные гримасы мгновенно вынырнули из тумана, заставив всех участников сцен вздрогнуть от удивления, испуга и отвращения.

"Гарри" неудовлетворенно выдохнул и кивнул своим товарищам, чтобы они присоединились к его капитуляции. Он явно умел владеть собой: ни единой эмоции не отразилось на его лице, когда он проходил мимо нее. И все же, он позволил маленький укол к ее самообладанию: они прихватили с собой эми-болт, будто бы нашли его только что на земле и присвоили себе. Наглец!

Кэти фыркнула, расслабилась и позволила себе несколько глотков воды. Она не знала какой метаболизм у полиаморфов, но предложила и ему: тот отказался. Выглядел он плохо, нужно было срочно доставить его в кампус министерства.

Гончие охотно потянулись за полиаморфом, но она их остановила.

— Я доставлю его в Министерство сама. Возвращайтесь к поиску прошлой жертвы. Дневной гонорар вы уже отработали, но можете поохотиться за сверхурочными.

Кэти повернулась к перекрестку, ведущему от выхода к платформе с аэротакси, когда заметила, что одна из гончих что-то шепнула другой. Голосом. Вслух.

Удивительно. Едва ли им нужно было обмениваться друг с другом информацией. И все же...

Она поймала себя на этой мысли и, решительно отбросив ее, сконцентрировалась на Сато. Несмотря на помощь, этот полиаморф мог ухитриться сбежать, а второй раунд погони мог оказаться для нее не таким успешным. У нее были вопросы и пора было наконец узнать ответы на них.

Полиаморф не выражал никаких эмоций: кажется, все же частичные глушилки нейронной активности работали на этих существах так же хорошо, как и на людях, но на всякий случай Кэти взяла его чуть выше локтя и повела до ближайшей станции.

Туман стал понемногу рассеиваться и Кэти засмотрелась на ночное небо, которое теперь аккуратно проливалось сквозь пену влажных клубней, осевших на крышах домов. Спертый воздух наполнился дистиллированной свежестью...

Приступ неуместного романтизма поставил ее в ступор. Бэджер настолько часто напоминал ей сделать мыслительные барьеры, что пару дней назад она наконец собралась и установила их, хотя у нее ушло не меньше полутора часов настройки триггеров.

Мысли, которые сейчас копошились в ее голове не были ординарными. Может быть это все воздействие полиаморфа?

Она посмотрела на своего пленника и отмела эту мысль. Едва ли он мог сейчас оказать сопротивление. Может быть...

Крупная тень упала на нее со спины и она мгновенно отшатнулась, включая свои инстинкты. И все же, недостаточно быстро. Острая боль пронзила спину и все погрузилось во тьму...

Сато услышал вскрик и не в силах повернуться, свалился на спину, ударившись лопатками о твердое покрытие. Боль не заставила себя долго ждать, но потерявшись среди общего шума, просто осталась ждать своего часа.

Он открыл глаза и увидел Кэти, падающую на землю рядом с ним с торчащей тонкой рукояткой нейродеструктора. Мануального.

Нелегальный, неэтичный и нецелесообразный инструмент. Уничтожает тело, заставляя жертву несколько дней промучаться в стагнэе в ожидании замены, а напавшего — неминуемо встретиться со внутренними службами министерства, очищающего небезопасно сформированные убеждения личности.

И все же... напавший выиграет время, если собирается совершить что-то безумное.

Сато не мог помочь Кэти. Сато не мог помочь даже себе: тело не слушалось, а в голове стоял непроходимый красный туман из взвешенных единиц боли. Из него вырвался стон отчаяния и секунду спустя веки наконец закрылись.

"Если ты достиг финальной точки, спроси себя: зачем ты здесь оказался?"

Полумрак застилал свет. Свет пытался прорваться через щелки его глаз, но они опухли, слиплись и слезились, поэтому лучи не могли прорваться внутрь и нарушить его больные мысли.

Сато плыл в пучине сознания, когда лучи перестали осаждать темную обитель и яркие вывески больше не пытались захватить его внимание.

Похититель был силен физически: Сато не чувствовал напряжение, когда его несли. Только неприятный стерильный запах. Запах отсутствия запаха. Теперь сквозь сон он почувствовал и "ауру". Его нес не человек... Нет, его несла Гончая. Он уже ощущал до этого нигилизм и отчуждение души этих существ.

Сато перетряхнуло и от от ужаса он инстинктивно попытался упасть на землю, но его руки оказались вывернуты и он сморщившись устался на захламленный внутренний двор одного из сервисных ларьков.

Его небрежно сбросили вниз и усадили на колени. Рядом мешком сбросили обезжизненное, непригодное для сознания, тело девушки. Какая-то слепая надежда, что министерство защищает своих агентов, угасла и Сато обреченно устался в блеклое покрытие на земле, проецирующее тени существ.

Третья тень наклонилась и устала на Сато. Оказавшись лицом к лицу с напавшим, его передернуло еще сильнее, в голове всплыли воспоминания о сне, преследовавшем его недавно.

Глаза-бусинки. Глаза-булавки.

Гончая открыла окровавленный рот с потрескавшимися от сухости губами и усмехнулась. Две пуговицы глаз сконцентрировались на жертве и теперь буравили его взглядом, проникая все глубже сквозь пелену болезненного безразличия.

Неразборчивое бормотание внезапно обрело четкость и выбралось из решетки зубов наружу, заполнив свистом, шипением и скрипом все пространство.

"Ты пришел за галстуком, а получил поводок. Пришло время с-с-сменить поводок на петлю-ю-ю-ю"

Гул последнего воя разнесся по двору и эхом забарабанил по стенкам "колодца". Сато скривился и свернулся калачиком, закрыв уши ладонями.

Гончая рассержено толкнула его ногой и он перекатился на спину, открывая себя мелким бодрящим каплям дождя и судьбе, которая уже занесла деструктор над его лицом.

Он услышал нежный шепот Арти: "Все будет хорошо. Просто закрой глаза и подумай о том, где ты хочешь оказаться."

Тепло и принятие разошлось по его телу и он почувствовал, что готов. Готов к чему бы то ни было.

Глухой удар заставил Сато приоткрыть глаза. Напавшая Гончая распласталась на земле и теперь яростно шипела и готовилась напасть на обидчика.

Вторая Гончая, еще более отвратительная: со стальной нижней челюстью и отсутствующим носом, молча доставала из-за пояса нейродеструктор. В ее действиях было какое-то непробиваемое спокойствие, будто она собиралась неспеша почистить зубы, выпить чашечку кофе и пойти прогуляться вдоль реки. Хладнокровие опытного хищника?

Хладнокровие куклы. Сато прищурился и различил в мелкой моторике повторяющийся паттерн задержки получения сигнала из нервной системы.

Но кто же кукловод?

Мысли Сато прервала упавшая Гончая с белым лицом, которая повернулась боком и протаранила своего оппонента.

Тот уклонился и кротким движением бедра повалил белоликого на землю. Но действие оказалось отвлекающим маневром: из бока куклы теперь торчал обломок нейродеструктора, правда едва ли работающего.

Гончие вцепились друг в друга и начали кровавую бойню, от которой Сато стало не по себе и он решил отвернуться. Стоило выбираться отсюда как можно скорее.

Тело не слушалось. Он был абсолютно беспомощен: кровотечение не остановилось, сломанные кости восстанавливались очень медленно: регенерации полиаморфов было далеко до Гончих. Часть имплантов поддерживали организм работоспособным, но передвижение тела в пространстве было за пределами его возможностей.

Но в дело вмешался страх. Страх, возникший откуда-то из недр его нечеловеческой сущности перезагрузил все синапсы и в голове выстроились иные приоритеты: БЕЖАТЬ. СПАСАТЬСЯ. ВЫЖИТЬ.

Вскочив, он по-животному побежал-пополз на корточках к выходу. На ступеньках он радостно привстал и провел рукой по старой деревянной плите, собрав с десятков щепок под кожу. Скорчившись, он ввалился внутрь кафе с черного входа и на

мгновение обернулся назад, чтобы удостовериться, что Гончие все еще заняты друг другом.

Белолицый явно уступал кукле: с глубоким порезом на шее и неестественно вывернутой левой рукой, он упал на землю и теперь пытался подняться, барахтаясь под ударами напавшей куклы. Внезапно что-то приковало его внимание и он откинул голову назад.

Глаза-булавки. Наколят любую жертву.

Внутри головы Сато взорвались крики и он отпрянул назад, уткнувшись спиной в основание лестницы. Он не мог оторвать взгляда от хищника. От Гончей. Страх не был надежным союзником. Страх никогда не был надежным союзником. Он вытаскивал из передраги, но улетучивался при первой же возможности. Страх подвел его и в этот раз.

Время остановилось. Все на что мог смотреть Сато сейчас, это на медленное движение правой руки белолицого, дернувшего за кусок нейродеструктура, торчавшего над ним в боку куклы и резкое движение кистью, отправившей заостренный обломок в сторону Сато.

Глаза-булавки накололи его на стену. Как узорчастую бабочку.

Сосуд в груди взорвался многочастотным шумом, криками и воспоминаниями, заполонившими сознание Сато в одну секунду. Он захлебнулся и упал во тьму.

Кира откинулась на спинку кресла и уставилась на результат их с Никосом работы. Чертежи не были ее сильной стороной: все что можно было сделать руками сразу, она делала сразу. В общине обычно не было времени, чтобы расслабиться и порефлексировать над деталями проекта: выживание и комфорт жителей зависели от скорости и качества ее работы.

Все что сделать сразу не удавалось, шло к черту. Потому что годы практики научили ее, что подводные камни могли стать камнями преткновения, а чем сложнее система, тем больше у нее подводных камней.

И вот... она и чертеж. Чертова "консерва" убедила ее, что в таких проектах, как изготовление пятиметровой керамо-алюминиевой лопасти нельзя допускать ошибок. На ее возмущение Никос ответил коротким расчетом: при ошибке в 4 миллиметра, потерявшая крепление лопасть может улететь по направлению к домам и уничтожить как минимум один из них.

Он был прав. Надо было признать, что чертежи были слабой стороной Киры, но признать это было очень больно, особенно когда это прозвучало почти осуждающе из уст другого инженера.

Кира, конечно, наорала и выгнала его, но потом, увидев, что он просто стоит под дверью и ждет, впустила обратно. Она не была бы рациональным человеком, если бы не могла признать правоту собеседника. Пусть и через некоторое время, сделав несколько дыхательных упражнений.

И вот, она здесь... наедине с чертежом и собственными мыслями. Им пришлось разойтись так и не придумав где взять достаточно материалов для выпекания лопасти на соседнем заброшенном заводе с промышленным принтером. Задача была не просто неординарной: почти невероятной. Проще было подождать год, накопить средства, возможно нарастив торговлю урожаем с соседними поселениями и купить у Лондон-центра новый распечатанный ветряк.

Кира посмотрела на часы: половина второго. Сон никак не шел.

Мысли крутились вокруг Никоса. Они были знакомы всего несколько недель, но разница во взглядах постоянно сталкивала их лбами, а лбы у них были крепки.

Она улыбнулась и повернулась на бок, пряча улыбку под плотным одеялом из собственных мыслей.

И все же... она чувствовала собственную... недалекость. Не ребячество и инфантилизм, которые они причисляла к столпам своей личности, а ограниченность. Невозможность выйти за границы мыслей, которые заложили в нее члены общины. С каждым аргументом Никоса ее одолевал стыд, стыд, что она никогда об этом размышляла. Они оба занимались одним делом, они оба верили в технологическую супремацию и оба были одержимы одними принципами, но его психологическое превосходство было очевидно и каждый раз ставило Киру в тупик.

Что бы не отнял город у Никоса, он дал ему то, что Кира никогда не получит оставаясь в общине — собственный взгляд на мир, личностное развитие.

Тревожные мысли стали медленно перетекать в тревожные сны и инженер начала клевать носом, когда в ее дверь настойчиво постучали.

Любопытство и раздражение смешались в эмоциональном котле девушки и она не решила для себя: прогнать его до завтра или впустить. Любопытство победило: она вряд ли сможет теперь уснуть, пока не узнает в чем дело.

Никос ворвался внутрь и заставил ее врасплох, закутанную в одеяло. Это обстоятельство его ни капли не смутило и он принялся ходить по ее лачуге и бормотать.

— Придумал! Кажется, это отличная идея. Но нужно поторопиться.

Кира воздержалась, чтобы не вклеить ему пощечину для успокоения. И все же вовремя остановилась, желая послушать что он расскажет.

— Возьми себя в руки и скажи наконец что придумал, не нервируй меня.

Никос резко остановился, посмотрел на нее и решительно прошагал к столу, где лежали чертежи. Ткнув пальцем в список материалов, он оживленно затараторил:

— Углеродные нанотрубки, так? И эпоксидная смола.

Кира подняла брови и молча кивнула, не понимая к чему он ведет.

— Интегрированные солнечные панели можем отбросить: все равно у них не очень высокий КПД. Так вот, знаешь что еще делают из нанокарба и эпоксидки?

Кира отрицательно покачала головой, прячась за перегородкой и натягивая комбинезон.

— Таксикары и дронов. Я однажды помогал с тестированием оборудования для дрона и видел весь настроенный конвейер производства.

Никос приблизился к Кире и заговорчески шепнул:

— А еще я знаю где они складировать элементы для дронов.

Кира наконец смекнула к чему катится их разговор и энергично замахала головой.

— Нет, даже не думай. Мы не поедим в город, чтобы грабить производство дронов для Министерства.

Никос поднял брови и пристально смотрел на нее.

— Какого черта, Никос? Я думала ты адекватный человек, прислушивалась к твоим идеям. Я думала, что ты бежишь от города, а не собираешься вернуться туда при малейшей возможности.

Кира начала разгораться и после мыслей об извращениях города, о которых им каждую неделю рассказывал пастырь разгорелась еще больше. Она вспыхнула настолько, что потеряла управление и перестала пропускать мысли через внутренний цензор.

Когда пламя прошло, она нашла себя закутанной в одеяло прямо поверх комбинезона, трясущейся и тяжело дышащей. Полчаса она унимала себя, приговаривала себе, что все в порядке и пыталась пробить стальную плиту, опустившуюся ей на грудь. Стало немного теплее, но дрожь не прекращалась.

Ее мысли гиперболировали тревогу до такого масштаба, что теперь это казалось ей не просто глупым, а откровенно смешным.

Мысли о том, что холодные и расчетливые искины доберутся до нее ночью и перережут ей горло, а потом и всей общине, мстя за кражу эпоксидки, вначале позабавили ее, а потом и вовсе рассмешили, отчего она начала истерически хохотать, катаясь по полу.

Собравшись с мыслями, она поняла, что слишком встревожена, чтобы уснуть, поэтому открыла свою настольную книгу, от чтения которой ей всегда становилось легче.

Не сегодня. Захлопнув и положив ее обратно, Кира спешно оделась и выбежала на улицу.

Дом пастыря был недалеко от ее лачуги, поэтому она за пару минут добежала до него и громко постучала. Ей пришлось повторить стук дважды, прежде чем сонная фигура в пижаме наконец отворила дверь и высунула свой нос.

— Кира?! Что случилось?

Кира помялась с ноги на ногу и пробормотала, повернув голову к ночи:

— Тревожная ночь и кошмарные сны, Ари. Не могу закрыть глаз. Можно?

— Я не думаю, что это хорошая...

Кира настойчиво на него посмотрела взглядом, который плавил любую броню за считанные секунды.

— Впрочем, я всегда рад гостям и готов помочь в трудную минуту.

— И налить чай.

Кира начала наглотать, отдавая себе полный отчет в этом. Защитная реакция. Она обязательно извинится перед пастырем когда-нибудь. Может быть в других обстоятельствах.

— И налить чай, — в нос повторил Ари. Он пошел на кухню ставить чайник, а Кира осмотрелась и начала хозяйничать вокруг: убирать разбросанные вещи и высвобождать себе пространство для существования. Ее внимание привлекла отреставрированная электронная печатная машинка, которую она собрала ему на

прошлый день рождения. Из нее торчал планшет и рядом стояла не вымытая кофейная кружка.

Кира улыбнулась и упала на одно из потертых кресел, которое утопало в несоизмеримо большем чехле. Тут было уютно, насколько может быть уютно в холостяцкой келье, лишенной какого бы то ни было стиля, но не обаяния.

— Расскажи о своих переживаниях, — Арни вернулся с чайником и самодельными керамическими кружками.

Кира нерешительно вдохнула, затем решительно выдохнула. Текст высыпался наружу сумбурным потоком:

— Город, Ари. Насколько там опасно? Как выглядят Искины? Они следят за всеми? Все люди в городе имплантированы? Правда, что членов религиозных общин ловят и замораживают в капсуле?

Ари улыбнулся и остановил ее жестом.

— Подожди-подожди. С чего это ты так заинтересовалась городом?

Кира покраснела и задумалась. Врать она не хотела, но и рассказывать правду было пока преждевременно. Она остановилось на том, что ее и вправду заботило.

— Люди, которые к нам попадают, не выглядят как мученики системы. Скорее как персоны, попавшие в дурную ситуацию или не прижившиеся в обществе. Знаешь, как Бекки. Помнишь Бекки?

Пастырь нахмурился. Ему было больно такое вспоминать. Кира внезапно поняла, что он считал этот случай своей ошибкой, но возвращать слова обратно было поздно.

— Я понимаю о чем ты говоришь. Вот только мы не удерживали Бекки внутри нашего общества насильно. Она зависела от нас, но была вольна принять решение и уйти. И мы поддержали это решение, снабдив ее всем необходимым в дорогу, правда?

Ари отглотнул немного чая и продолжил:

— В Городе это не так. Люди зависимы от него на всю жизнь. Они не могут из него выбраться, а если и выбираются, по счастливой случайности имея тело, сознание, перенесенное локально, и какой-то пласт навыков, но остаются зависимы. Каждый день они будут вспоминать дары дьявольские и желать ими обладать. Каждый день они будут снова и снова принимать сложное решение и скорее всего в конце сдадутся. Потому что человек стал слаб: его слишком удерживает сингулярность.

Кира заметила, что не отпила ни глотка чая: она сидела закутанная в одеяло и слушала Ари.

— Касательно твоего вопроса: нет, Город не страшен для нас своим материальным видом. Там живут обычные люди с обычными проблемами. Искины не являют себя миру и не следят за каждым встречным, а религиозные общины воспринимаются как обычные акультные или шарлатанские кружки, никому нет до них дела. И все же, опасность таится везде, просто это опасность искушения. Помнишь нашу шутку про людскую жадность? Если бы запретным был змей, то Адам съел бы и его.

Кира кивнула и встала.

— Спасибо, Ари. Мне правда стало легче. Думаю, что теперь я смогу без проблем уснуть.

Пастырь тоже встал и неловко поставил чашку на блюдце. Чашка была невероятно потертой, что нельзя было сказать о почти новом блюдце.

— Да-да, я помню как легко тебя убаюкивают мои лекции. Скажи, ты ведь не думаешь, чтобы поехать в Город?

Кира обаятельно улыбнулась, глаза ее уже закрывались.

— Нет, Ари. Я слишком привязалась к этим ветрякам, чтобы позволить каким-то машинам заниматься их починкой. А еще пирожки Тиффани, мне кажется любой имплантер променял бы все свои апгрейды, только попробуй он кусочек.

Ари тоже улыбнулся и открыл входную дверь.

— Доброй ночи, Кира.

Девушка кокетливо поцеловала его в щеку и скрылась во тьме, утаскивая одно из его одеял за собой.

"Ну что ж", — подумал молодой пастырь. "Значит придется попросить у Тиффани не только пирогов, но и новое одеяло".

Он расцвел, переложил обратно на свои места разбросанные вещи и отправился спать.

"Этой осенью", — пообещал себе он. "Я сделаю ей предложение этой осенью".

Сато резко очнулся и понял, что это было абсолютно опрометчивое действие. Лучше бы он не просыпался. И все же, глаза смогли открыться, кости, кажется, были в правильном месте и в правильном состоянии, а открытые раны зарубцевались. Не иначе, чудеса регенерации.

Обломок нейродеструктура валялся рядом, а в груди торчал небольшой кусок, застрявший внутри.

"Может оно и к лучшему", — подумал Сато и удивился своему спокойствию. Признание себя мертвым серьезно занижало планку ожиданий.

Сквозь белый шум и осиное гудение в голове прорвался голос:

Хватит лежать и философствовать: на тебя ведется охота, если ты еще не забыл как здесь оказался.

Голос был резким, неприятным, но до боли знакомым.

— Но...

— *Да-да, извращенец, я здесь, в твоём убогом общежитии рождественских призраков.*

— Не понимаю.

— *Даже и не надейся, что я тебе что-то расскажу: в этом свинарнике, который ты называешь воспоминаниями, такой хаос, что я не смогла бы и собственного имени отыскать.*

— Кэти?

— *Точно! А знаешь кто еще передает тебе привет? Все жертвы твоей эротической агрессии. Не могу, к сожалению, их представить по именам: едва ли могу различить их мысли от своих собственных.*

Сато соображал очень тяжело. Голова гудела и плавилась, а виски сдавило так сильно, что он уже готов был сдаться и свалиться обратно в обморок.

Потом будешь думать, сейчас нужно действовать. Иди осмотри этих Гончих.

Сато попробовал встать, но ноги подвернулись и он неудачно свалился на лодыжки, закричав от боли. Возможно стоило полежать еще немного и подождать, пока организм починится самостоятельно.

Вздых раздражения. Подвинься, я возьму на себя управление.

Сато погрузился во тьму и уснул.

Белоликий. Точно из ее невоспетых гвардейцев – Гончих, она готова поклясться, что не раз видела его среди кучки выроdkов. Мда, ему не позавидуешь: тело было разбито и разорвано так сильно, что едва ли Гончая сможет восстановиться даже в Утробе.

Стальная челюсть. Любопытно. Спаситель оказался той самой Гончей, которую Кэти разыскивала последнюю неделю. Несомненно кукла. Кукловод сжег напоследок все синапсы, чтобы его не отыскиали экстраполяцией траектории.

Кэти-Сато сентиментально похлопала по плечу Гончую и отвернулась. Все они пешки в этой игре, нравилось им или нет. Свобода была призрачной как для кукловода, так и для куклы, вот только куклы лежали с выжженными глазами на задворках нижних ярусов, а кукловоды продолжали свою игру, стремясь к собственной выгоде.

Пора было уже разобраться в правилах игры.

Впервые за все ее охоты, у Кэти была выигрышная рука. Она чувствовала, как азарт захлестывал ее настолько, что слабое безвольное тело буквально напивалось ее энергией и игнорировало все физические ограничения.

Но столько информации! Она чувствовала, что не может контролировать и собственные мысли, все мгновенно смешивается и засоряет стройные размышления.

Собрав волю в кулак, Кэти подключилась к нейроинтерфейсу и наскребла в визуальном чертоге разума.

1. Найти убежище и привести мысли в порядок.
2. Определить стороны конфликта. Сато – Лета (?) – Кукловод? Министерство?.
Никому доверять пока нельзя.
3. Выбраться из чертового тела и передать Сато... кому? Ладно, решим позже.

План получался безобразно непоследовательным, но с этим можно было смириться. В конце концов она очнулась в чужом теле, в чертовски замусоренном общежитии с полумертвыми обитателями.

Кафе, в котором происходил бой оказалось заброшенным, старым, практически античным в представлении людей ее поколения. Пыльная таверна с кислым запахом прокисшего пива и рвоты.

Она наморщилась и пробежала вперед, оглядываясь вокруг. Нейроинтерфейс подсказывал, что она была в северной части нижнего уровня: место настолько непопулярное из-за токсичной пыли в воздухе, что ей пришлось догрузить карту местности.

К ее удивлению, на протяжении всего пути ни Сато, ни один из "сожителей", не возмутились, ни сказали ни слова. Оставалось только надеяться, что они не умерли в воспаленном мозгу после того, как сосуд разбился.

Когда бесконечный лифтовый колодец показался перед ней, Кэти выдохнула с облегчением и даже позволила себе ненадолго задремать в стерильном белом зеркальном углу, за спинами уставших от ночной рутины нейрохакеров, фуд моделлеров и промпт инженеров.

— Альберт, мне это совсем не нравится. Да что там, я просто в бешенстве! Как ты мог кинуть меня? Я. Я...

— Филипп, подожди, не заводись. Я знаю, это выглядит плохо, но поверь мне, это раз и навсегда избавит тебя от хвоста.

— Альби, этот хвост по мою душу — твоя вина. Ты говорил, что мы защищены большим слоем подрядчиков и если нас накроют, то до нас не доберутся!

— Случайность, Филипп. Помнишь что я тебе говорил? Человек может создавать потрясающие планы, но его игра рискованна. Искины не ведутся на наши игры, они просто ждут пока мы сделаем ошибку.

— Так зачем же мы играли?

— Потому что слишком многое поставлено на кон. Не бороться, значит мгновенно проиграть. Безразличие уже завело человечество слишком далеко...

— Эту часть можешь не повторять, Альби, я помогал тебе ее писать. То что я не понимаю, так это почему мы не использовали знание тактики искинов против них же?

— Потому что она безупречна. У них есть ресурсы, власть и время, чтобы ждать. Ждать годами, декадами. При этом, у них есть терпение, чтобы быть наготове и атаковать в момент, когда мы допустим ошибку.

— ... И мы ее допустили?

— Да, допустили намеренно, чтобы спровоцировать искинов. Мы выдали несколько ячеек и ждали, пока искины заглотят свою добычу. К нашему удивлению, вмешалось Министерство и значительно спутало карты, но мы получили то что хотели: искины атаковали нас, уничтожив лидеров ячейки.

— Кем вы пожертвовали?

— Собой. Мы с Хироку были единственной приманкой, на которую клюнули искины. Они знали, что нет смысла реагировать на меньшее, если можно просто подождать.

— Как я понимаю, все сработало.

— Да, ремплантированный полиаморф справился со своей задачей. Наши сознания были аккуратно перенесены в другое тело и нужно было только дожждаться, пока оригинальные тела займут "очищенные" дубликации сознаний, чтобы вернуться обратно.

— Так что же пошло не так?

— Один из подрядчиков прознал истинную причину заинтересованности в его талантах и перед поимкой успел тщательно переварить эту мысль, которая тут же попала в руки к нашим соперникам. Мы были неосторожны и теперь полиаморфы...

— ... которые были имплантированы по моему заказу вывели искинов на меня. Черт!

Филипп наконец оторвался от общения в нейроинтерфейсе и начал стремительно ходить во периметру комнаты. Он посмотрел на свои руки, которые покрылись потом и теперь неприятно зудели от тревожных мыслей. Его сложно назвать королем самообладания: творческой личности, пусть и на руководящей должности, не нужен был этот навык, достаточно было впечатляющих результатов и не всегда искренней улыбки.

— Альберт, я решительно не понимаю почему ты считаешь, что план с полиаморфом и дубликацией сознания сработает в этот раз. Искины уже знают о том, как мы это делаем.

— Потому что в этот раз, Филипп, мы будем хитрее. Нейродеструкторы выжигают лишь одно сознание из полиаморфа, мы проверили. Если заставить полиаморфа снова и снова поглощать души, ты будешь защищен этой оболочкой и мы вытащим тебя оттуда в любом случае, даже если сам полиаморф окажется мертв.

— Но... а как быть с потерей консистентности?

— А здесь, Филипп, мы шагнули еще дальше. Ты сможешь подпитываться душами других, пока находишься в сосуда полиаморфа.

— Но... это ненадежно. А если кто-то захочет полакомиться мной?

— Пусть только попробует: у тебя будет паническая кнопка для контроля над телом.

Филипп поймал себя на том, что сделал уже несколько кругов и голова начала немного кружиться. Остановившись, он понял, что решение уже принято, просто ему не хватает смелости это признать.

— Не знаю, Альби, это все еще звучит очень рискованно...

— Филипп, если ты считаешь, что можешь обхитрить охотников, Гончих или искинов, то ты ошибаешься. Они идут за тобой. Прямо сейчас.

Альберт немного отдышался и взял несколько секунд, чтобы успокоиться. Его явно раздражало, что приходится доказывать очевидное.

— Позволь нам вытащить тебя из передраги.

Филипп кивнул, Альберт довольно откинулся в кресле.

— В течение нескольких часов жди полиаморфа и хакера. Тебе сделают обливиацию и ты будешь спасен. Не благодари.

Альфред не дождался ответа собеседника и отключился. Филипп нахмурился и напомнил себе, что как только представится возможность, ему нужно выйти из Цикад.

Кэти очнулась, голова гудела, из груди по-прежнему торчал осколок. Несколько минут потребовалось, чтобы осознать, что это не ее грудь и она только гость в теле своей

жертвы.

И все же, у нее был контроль, хотя и слабый. Было невероятно сложно сохранить мысль, выделить ее среди общего потока и удержать в руках.

Она — Кэти, охотник министерства, *полиаморф*, сотрудник *Леты*, преуспевающий...

Девушка в панике застучала руками по матовой стене, пытаясь вернуть потерявшуюся мысль. Стена непонимающе откликнулась и располяризовала поверхность.

Кэти увидела в отражении молодого мужчину с кастомными имплантами и бородой. Испугавшись, она шарахнулась от стены и чуть было не упала, когда ее инстинктивно подхватил Сато и управление перешло к нему. Девушка в шоке забилась где-то в глубокой яме бытия, паника нарастала: она не чувствовала частей тела, но пыталась двигаться, бежать.

— Кэти, все в порядке...

Голос разнесся где-то внутри и Кэти начала крутиться на месте, вот только крутиться было нечем. словно парализованная, в страхе быть запертой, она закричала.

Сато передал ей обратно управление телом и Кэти очутилась снова в кабине лифта. С усилием удержав содержимое желудка, она поднялась на ноги и вышла на нужном этаже. По дороге она остановилась в знакомом конструкте парка и отдышалась.

— Что... происходит?

Сато не ответил. Ответил женский голос.

— Кэти, мы все находимся в сосудах тела этого полиаморфа, который во время борьбы оказался разбит. Помогите нам.

Охотница сглотнула и немного прошлась туда-обратно, чтобы ограничить поток рвущихся в сознание криков и голосов.

— Кто — мы?

Голос дрогнул и изменился в тембре. Теперь он был глубоким и вибрирующим.

— Поглощенные полиаморфом сознания.

— Но... как это произошло?

Голос прозвучал так далеко, что Кэти пришлось закрыть уши и сосредоточиться на прорывающемся звуке.

— Не имеет значения, можете найти эту информацию в пучине воспоминаний самого полиаморфа. Вы сильная, помогите нам. Сдайте нас Министерству, они помогут выбраться.

Кэти отрицательно покивала головой. Ее мысли стали проясняться, а сама она наконец обрела спокойствие. Видимо сказывался опыт жизни в капсульном состоянии: отказ от тела не был таким пугающим событием, хотя хаос личностей в голове отчаянно мешал настроиться на анализ ситуации.

— Министерство уже сделало свой ход. Были ли это они, или кто-то другой пытается спутать карты — не имеет значение: сдать Министерству — значит рискнуть попасть прямо в руки нападшим. Мы будем действовать осторожно, никаких больше Гончих, никаких больше дронов. Только это тело и собственные мысли.

Голос внутри смолк. Немного подождав, Кэти грустно кивнула и направилась в место, в котором ей могут помочь вне зависимости от того, в каком она состоянии, в каком теле и в своем ли уме.

Уж точно не в своем уме.

Парковая зона, созданная для озеленения целого яруса, заканчивалась небольшой полоской со спрятавшимися в растительных джунглях ресторанами и барами.

Самый неприметный из них был знаком Кэти, туда она и направлялась, чтобы наконец получить преимущество в этой охоте.

За барной стойкой сидела женщина в ярком хлопковом костюме, без головного убора и очков: не иначе хвастовство возможностью делать себе прически и не носить солнцезащитные линзы — роскошь телопроизводства, доступная, увы, далеко не всем.

Кэти подсела рядом и постаралась быстро прокрутить в голове все опознавательные знаки, которые могли бы убедить подругу в том, что перед ней именно она. Хаос и обрывки мыслей устремились на ее зов и она поспешно вернулась к реальности.

— Мммм. Хей-зи. Мы встречались?

— Хэй-зи, Жоанна. Мы встречались декаду назад на три яруса ниже при совершенно поразительных обстоятельствах.

Жоанна резко напряглась и сделала знак роботу-бармену. Кэти знала этот знак, поэтому немного откинулась и улыбнулась. Игра шла так, как она и задумала.

— Неудавшейся контрабанде спор микоидов ...

Кэти резко перегнулась через стойку и поймала трубку парализатора у робота, забрав ее себе и положив сверху на стойку как трофей. Робот озадаченно посмотрел на хозяйку.

— ... закончившейся случайным распылением их в комнате и одурманиванием всех участников на последующие несколько часов.

Жоанна усмехнулась, немного расслабилась и начала потягивать коктейль из бокала. Теперь следовало действовать осторожно, чтобы она не сорвалась и не вызвала охрану, которая могла доставить сейчас множество проблем.

— А жаль, какой «старый порошок» без микоидов: пришлось заменить тоником. Кто ты и что сделал с моей подругой?

Жоанна указала взглядом на короткий игольчатый ручной парализатор, торчащий у нее из правой руки под стойкой.

Кэти замерла и сделала еле заметное движение в сторону. Повернув туловище так, чтобы в случае неудачи иголка прошла по касательной, она тихо добавила:

— Это я, Кэти, познакомься с моим новым телесным пристанищем.

Не различив ноток смягчения во взгляде Жоанны, она проворчала:

— Увы, привлекательным его не назовешь, но эта утонченно-смазливая форма скул точно заняла бы почетное место на холсте, не так ли?

Хозяйка бара на мгновение смутилась, но позволила себе встать с барного стула, немного пройтись и наконец согласно кивнуть головой.

— Хорошо, допустим ты и есть Кэти и это не проделка очередного психа апи-торчка. Что с тобой стряслось? И где ты сбросила свою обаятельную шкурку?

Кэти тоже встала и сделала указательный жест рукой, предлагая немного пройтись по саду.

Жоанна всегда была отличным слушателем: черта, присущая мудрым людям, получившим знание не на собственных ошибках. Когда Кэти закончила рассказ, она крепко задумалась, отвернувшись к полуденному солнцу и застыв перед лучами, купаясь в редких пятнах порванных облаков.

— Да, подруга, в этот раз ты влипла куда серьезнее, чем могла бы себе позволить. Боюсь, что я не могу так подставляться...

Кэти согласно кивнула, уставившись в фантомный горизонт многоярусного города. В груди все сжималось от желания уйти, убежать, пропасть. Она не должна была так подставлять своих знакомых. Первое правила охотника, которое никогда не находило у нее отклика. И все же...

— ... впрочем, я знаю одного психокорректора, которая берется за сложные случаи. Надежная. Идеалистка и трансгуманистка. Подожди немного, мне нужно будет связаться с Виком.

Кэти благодарно улыбнулась и добавила:

— Спасибо, Жоанна.

На что ее собеседница шутливо отмахнулась и погрузилась в звонок.

Разговор был коротким. Вик был на коротком поводке у Жоанны, которая в качестве партнера позволяла ему встречаться с клиентами в баре и иногда оставаться там на ночь, чтобы не тащиться в ту берлогу, которую Вик считал своим домом. Дом Вика был на одном из верхних ярусов, но он был запрятан так далеко за пределами жилой зоны яруса, что из окна он должен был видеть край города и шум строительных дроидов, застраивающих продолжение ярусов, как слоеный пирог.

Кэти вспомнила как они подшучивали над Виком и ей стало теплее на душе. Едва ли она, консерва, охотница и идеалистка, вообще умела дружить в привычном понимании этого слова, однако Жоанна однажды сказала, что предпочитает ее холодную искреннюю дистиллированную честность и заботу, нежели то, что ей подсовывают и продают сотни дружелюбных оскалившихся пауков.

— Отправила тебе геоточку. Тебя будут ждать с черного выхода, рядом с мастерской Билли Мейера.

— Билли... тот самый Билли?

Жоанна раздраженно кивнула и умоляюще уставилась на подругу. Кэти подняла брови и внезапно поняла, что совершенно забыла чье тело сейчас населяет.

Ее эмоции, усиленные выброшенными в воздух феромонами, сейчас буквально висели в воздухе и могли не только влиять на окружающих, но еще и контролировать и подстраивать их эмоционально. Жуть!

— Оу, прости! Совсем забыла. Понятия не имею как этим управлять.

Хозяйка бара постучала себе по носу указательным пальцем и добавила:

— Это опасный инструмент, Кэти. Возможно твой охотничий инструментарий только что пополнился решительными доводами.

Она подмигнула и произнесла:

— Будь осторожна, хорошо? Ты теперь персона нон-грата в большинстве привычных тебе мест. Я уверена, что ты справишься, но все же не прыгай с головой в омут: возможно то что ты видишь там — лишь искаженное отражение.

Кэти не справилась с эмоциями и поскорее вышла из бара: новое тело было настолько неустойчивым, неуравновешенным, что даже стабилизация самых обыденных мыслей была проблемой.

Она прошла несколько кварталов и, найдя укромный уголок за кустами в парке, прилегла прямо на траву, чтобы набраться сил и продолжить путь. Действительность тонула в вязкости времени и Кэти пробиралась сквозь него, как через колючий терний. Так и не найдя в себе энергии, чтобы быть в сознании, она облегченно уснула.

— Кэти!

Женщина со знакомым лицом подошла к ней и наклонилась. Ее палец оказался прямо перед носом девочки и легонько цокнул по нему.

— Кэтрин Холл, ты думала я не отыщу тебя в собственном доме? Думала я забуду о том, сколько кексов испекла твоему младшему брату на день рождения?

Кэти сгорала от стыда. Ситуация, казалось, была абсолютно безнадежной! Если бы только изменить ход времени и не бежать за лоском молодых архимodelлеров с верхних ярусов, не отворачиваться от помощи подруги из-за гордости и не попадать работать в эротические фантазии. Там можно было избежать участи стать консервой, вот только...

Этот чертов простевший сектор имплантирования стоил ему целого состояния. И все из-за вето экологических фракций! Неужели они заодно с искинами? Да кто вообще будет якшаться с этими тормознутыми железками!

Пора взять себя в руки и уничтожить Жажду, нужно только вначале разобраться с кексами. Кексы невероятно важны для мамочки.

Но почему? Да-а-а. Она знает. Потому что мамочка больше любит младшего брата. Ей нравятся корпораты в закрытом клубе Цикад. Потому что они знают больше остальных, потому что они гносеологи и клептократы. Антисингуляристы и гуманисты.

Их тела собраны из мусора и мух, кружащихся над мои супом каждую неделю.
Чертовы лавки нижнего яруса.

— Северра, может быть за тобой пригладит большой брат? Он уже вырос и теперь занимает сотни квантовых дата центров в Агломерации Большой Пекин.

Как же я устал. Голова кружиться, мысли бегают и копошатся. Кто я? Как я здесь оказалась?

Сато наконец пробился сквозь тяжелые волны безумия и облегченно вздохнул. Хотя бы на время он вернул себе свой рассудок и тело. Сконцентрировавшись на дыхании, он освободил разум и выбрал цель.

Он не верил Министерству, Лете, импульсивной Кэти, и испуганному Филиппу, загадочной ... мысли снова уплыли и Сато сделал себе легкий шлепок по щеке.

Обстоятельства заставляли его сделать отчаянный шаг и выбрать какой-то из вариантов действий, чтобы обрести свободу. Свободу от копошащихся внутри личностей, от преследования и от Жажды. Свободу жить и наслаждаться жизнью.

И все же Сато не чувствовал сил внутри, чтобы действовать. Он чувствовал только непереносимую тяжесть обстоятельств, осмысление которых приводило его к невыносимой тревоге и дрожи во всем теле.

Сконцентрировавшись на внутреннем тепле он обнял себя за плечи и позволил себе прикрыть глаза и насладиться мягким утренним безоблачным небом.

Почему? Почему?

(дописать)

Мысли незаметно подкрались и столкнули его обессиленное тело в воду, глубокую темную пучину, обещающую предельное спокойствие и комфорт каждому гостю, способному насладиться скромным обаянием смерти.

— Эй, плфавю пфтыварраыя

Разум Киры никак не мог обработать поток информации внезапно хлынувший в него. Он только успел осознать самого себя и отцентрироваться в пространстве, как окружающий мир схлопнулся и выдал ей действительность, которую она отказывалась принимать. Действительность вне ее теплой и уютной кровати.

— Кира? Просыпайся, мы подъезжаем...

Подъезжаем.

Разум собрал воедино все кусочки информации и пазлинки встали на свои места.

Ветряки. Ремонт. Никос. Город. Завод.

О боже, они ведь собирались обокрасть проклятые железки!

Сердце заскучало с удвоенной скоростью, во всем теле потеплело, а в желудке закрутило. Страх? Любопытство? Азарт? Она ощущала взрывную смесь, которая наполнила ее изнутри энергией.

Кира заговорчески улыбнулась. Никос ответил взаимностью. Пора было осуществлять их план.

Она надела старомодный шлем визуального управления дроном-погрузчиком, который одолжила у караванщиков на ночь за вполне уместную плату (самодельную портативную солнечную панель) и махнула Никосу, чтобы он закрыл ее в двух грубых листах теплового поглощения.

Теснота и темнота схлопнулись над девушкой и она почувствовала почти первобытный страх. Клаустрофобия? Возможно. Но сильнее всего ее сердце билось от мысли, что дроны искинов отыщут их и запрут в капсулах, как консервы, а сознание извлекут и будут пытаться.

Пересилив себя, она сконцентрировалась на плане и еще раз прокрутила его в мыслях:

1. Никос своим дроном нарушает периметр завода и вызывает тревогу, чтобы охрана сконцентрировалась на нем
2. Кира прослеживает за грузовым дроном и ждет, пока он не доставит заказ на базу и не проставит окончание доставки.
3. Никос запускает электро-магнитный импульс
4. Кира вывозит своего дрона-погрузчика и крадет нужные материалы с базы, пока они не были поставлены на учет координатором склада.
5. Они экстренно убираются оттуда.

Самой опасной частью была необходимость Никосу выбраться наружу и успеть забрать его обездвиженного дрона до отхода, чтобы не навести искинов на их след. Они брейнштормили довольно долго, пока не пришли к выводу, что это единственное, что можно успеть сделать за такое короткое время и что позволят им имеющиеся ресурсы.

План был неплох, но по-прежнему вызывал недоверие у Кире. Однако заразительный энтузиазм Никоса сломал ее и она согласилась.

Теперь она лежала на холодных плитах и слушала, как грузовой дрон медленно тащит свое тело сквозь темноту, а Никос где-то вдалеке дразнит тугодумные машины.

Внезапно вместе с тревогой поднялся еще один рой охранных дронов и закружил над погрузкой, нарезая круги вокруг хранилища.

Кира внутренне запаниковала и покрылась потом, перебирая варианты как отвлечь новую волну машин. В какой-то момент она даже согласилась с собой, что нужно дать знак Никосу и убираться отсюда как можно скорее, но это могло поставить их в еще более опасную ситуацию.

Думай, думай.

Девушка пробудила свой дрон и скрытно направила его к стенам склада, огибая здание с другой стороны. У основания она заметила яркие всплески огня-отражателей на дронах, которые гнались за ее спутником, поэтому она осторожно выровнялась параллельно земле и полетела в другую сторону.

Ее взгляд зацепился за ремонтируемый участок здания, который оказался пристройкой к заводу и монстроидальный строительный принтер, в котором сейчас выпекался кусок стены.

У нее созрел план. Просто чудовищный на самом деле, но Кире надоело вылиться в самодельном гробу и дрожать от страха. Адреналин говорил за нее, а она позволяла ему это делать.

Она выбралась из под листов и начала красться к тянущемуся ручью из погрузчиков, надеясь, что ее, теперь уже автоматический, дрон сейчас крушит принтер и выливает его раскаленное содержимое на стену, провоцируя вызов локальной тревоги и сбивчивые тепловые сигнатуры.

Пригнувшись, она побежала прямо под жужжащим роем дронов, стараясь не задумываясь от том, что в любой момент многотонное основание, держащее материалы, может опуститься и раздавить ее, прижав к земле.

Найдя помеченный дрон, Кира взобралась на него и подключилась мануально через контрольную панель, пытаясь найти интерфейс для ввода команд. К ее счастью, он оказался настолько архаичным, что ее самописная нейросеть смогла отыскать точки взаимодействия и настроить связь нейроинтерфейса с программным интерфейсом.

Распластавшись под башней погрузчика, она вывела его со склада и повела к их караванной платформе. Отметиться на складе не получилось: команда требовала обязательной разгрузки материалов.

Пиррова победа. Если искины обнаружат пропажу в реестре, им несдобровать.

Девушка вылезла обратно на башню и перепрыгнула на следующий погрузчик: придется рискнуть и прокатиться с ним до склада. Подключившись к нему, она замерла и сгруппировалась около теневой стенки башни. Вызвав команду регистрации груза, она увеличила его количество в два раза в системе.

Жужжащий рой стремительно приближался, а ее сердце начало биться сильнее и сильнее. Кира напряглась и обняла себя руками, чтобы умирить дрожь. В ту долгую секунду, когда погрузчик снял с себя все материалы, она вышла из нейроинтерфейса и остановила взгляд на дроне, который замер прямо над ней.

Все конечно.

Внезапно дрон накренился и она заметила, что находится в слепой зоне: диаметральные камеры были расположены по другую сторону рамы и сейчас наблюдали за таким же дроном, который подлетал на огромной скорости.

В последнюю секунду охранный дроид отскочил и пропустил таранящего нарушителя перед собой, пытаясь ударить его в хвост энергоразрядником. Нарушитель припал, а затем резко поднялся, ударив в дно своего соперника. Между ними завязалась борьба и Кира уставилась на эту картину забыв о собственной безопасности.

В ее плечо ударили и предусмотрительно закрыли рот рукой, отчего вырвавшийся вскрик застрял где-то в горле. Это оказался Никос, который ее, оторопевшую, потащил к караванной платформе.

— Но...

— Все потом. Спрячься под мою накидку и беги в том же темпе: нам нужно запутать следы.

— А как же дрон?

— Примет ванную в кратере, который сделал твой погрузчик.

На дальнейшие разговоры он показал ей жест, что они еще не ушли и нужно оставаться незамеченными. Кира сконцентрировалась на шагах и дыхании.

Перед самой платформой Никос вылез из под накидки и забрался на башню погрузчика, шепнув Кире, чтобы она забежала внутрь и спряталась. Он воспользовался нейроинтерфейсом и через несколько минут вбежал внутрь транспортного средства, захлопывая люк и устало развалившись на мягкой подстилке.

За иллюминатором начали мелькать быстро сменяющиеся пейзажи и они облегченно вздохнули, не в силах отпраздновать победу.

Кира глубоко вдохнула и открыла глаза, осматривая их улов: несколько тонн нанокарба, такого количества им хватит на все ветряки и еще останется. Более чем достаточно на много лет существования общины.

И все же... она была на волосок от... от поимки? заточения? смерти? Неизвестность пугала еще больше. Дрожь отступила, и она почувствовала, как все тело наполняется теплом, спокойствием. Она почувствовала, что это был недостающий элемент пазла ее потребностей. То, чего ей так не хватало, сидя по вечерам над верстаком и перебирая сломанные механизмы караванщиков, гадая где они были и что видели в этом мире.

Чувства переполнили ее и она почувствовала необыкновенный прилив сил, уверенности и понимания. Осознания себя.

И не только себя.

Кира привстала и переползла к лежащему лицом вверх Никосу, по лицу которого стекал пот и капли дождя. Пятна смазки покрывали его щеки и он был похож на песчанника.

Кира засмеялась, Никос коротко посмотрел на нее, откинулся назад и тоже захохотал, закрыв глаза и отдавшись этому смеху полностью.

Она почувствовала, что пазл все еще не сложен. Кира наклонилась и прильнула к его сухим губам, неловко выгнув руки назад, чтобы уловчиться и снять прилипший к телу комбинезон.

Сато почувствовал свое тело. Влажную землю. Освежающий порыв ветра. И вопрос. Но вопрос так и потерялся в сознании. В сознаниях. Зато когда он прикоснулся к нему, над его ухом прозвучал нежный вздох.

Он знал тембр этого дыхания. Он знал запах этого дыхание. Это дыхание было...

— Арти?

— Да, Сато

Полиаморф сел и прислонился к декоративной каменной стене, охладившей жар, нарастающий в груди.

— Почему ты здесь?

Арти мягко улыбнулась и кокетливо наклонила голову.

— Ты и сам знаешь, но пытаешься себя в этом переубедить.

Сато наморщился и сжал кулаки. Напряжение внутри нарастало, а сосуд в груди раскалялся. Конечно он знал, но эта мысль скрывалась внутри него, пряталась от возможности быть увиденной и обдуманной. Это было комфортное незнание, латентное одиночество, замаскированное под внутренний диалог. Под внутренние отношения с лучшей версией себя.

— Скажи это.

Арти взяла его за руки, разжала кулаки и посмотрела ему в глаза. Ее глаза были убедительны, экзистенциально правильны и казались ему более реальными, чем его собственные. Глаза могут говорить о многом, но эти глаза молчали. Молчали настолько долго, насколько хотело его сознание.

Сато-Арти нашел в себе силы:

— Человек. Непринятая часть тебя. То что ты отвергаешь настолько сильно, что оно сформировало развитую личность и отделилось от твоего сознания.

— Но я не...

— Ты человек. Ты был человеком и остался им до сих пор, хотя и не хочешь это признавать.

— Почему?

— Я не знаю. Ты не считаешь себя человеком, и не считаешь себя полиаморфом. Это кроется глубоко внутри, покоится под грудой пепла от сожженных мостов.

— Ты не поможешь мне?

— Я помогаю тебе. Но я живу внутри и твой воспоминания закрыты для меня тем же тернием, что и для тебя. Я делюсь с тобой самым важным, что нахожу, но истина укрывается от нас обоих. Наблюдатель внутри системы не может наблюдать за самой системой.

— Почему... почему сны? Это то что происходило? Произойдет? Со мной ли?

— Потому что все самое дорогое нашей душе мы видим во сне. Это фантомная боль того, что мы потеряли и больше не вернем. Возможно, не в этой версии вселенной. Арти печально улыбнулась и повернулась, чтобы исчезнуть где-то за границей внимания.

Сато привстал и почувствовал внутри силы, чтобы догнать свою спутницу.

— Арти... не уходи.

— Я никуда и не исчезала, я всегда рядом. Мы можем стать единым целым в тот самый момент, когда ты примешь эту часть себя.

— Я... Подожди.

Арти выжидающе сложила руки на груди и уставилась на Сато. Он чувствовал какую-то слабую ниточку понимания, но никак не мог за нее ухватиться.

Дело вовсе не в том, чтобы быть человеком. Вся сложность в том, чтобы позволить себе существовать в гармонии.

В сознании Сато произошел внезапный щелчок, слабый сигнал, как будто привлекающий его внимание к словам. Он произнес вслух:

— Вся сложность в том, чтобы позволить себе существовать...

Арти кивнула. Она

— Сначала ты сторонишься общества, избегаешь их, потому что тебе стыдно. Потом ты начинаешь объяснять себе причины своей социофобии тем, что ты иной. Другой. У тебя нет общего с этими людьми.

Сато услышал слабый шепот Кэти, который вырвался наружу и наложился на его слова.

— Затем ты совершаешь ошибку. Случайную. Эта ошибка выводит тебя из гомеостаза и ты делаешь ее снова и снова, пытаешься забыть тревогу. Когда ошибок совершенно столько, что ты чувствуешь только постоянный фон переживаний, тебе начинает казаться, что уже слишком поздно что-то менять. Тебе кажется, что ты конченный человек и проще начать жизнь заново, чем продолжать ее в попытках что-то исправить. Начинается период деструктивного перфекционизма. Ты начинаешь отчуждаться от мира, от людей и от себя. Ничего больше не приносит счастья, ничего больше не приносит страха, ничего больше не волнует, не тревожит, не радует. Безмятежность и безразличие. Безмятежность или безразличие?

Группа голосов в голове выдавила из себя обессиленное:

— Безмятежность

Это слилось в едином порыве с шипением:

— Безразличие

Сато не видел гармонии. Сато не чувствовал единения. Каждый голос разрушал его, разобщал с самим собой. Деконструировал, нарушал целостность личности.

Кто-то хотел исчезнуть из бытия и очутиться в другом месте и в другом теле. Кто-то прокручивал калейдоскоп воспоминаний снова и снова, греясь в чертогах памяти. Кто-то пытался выдернуть вожжи управления телом и найти спасение своей души, а кто-то уже принял свою участь и теперь оставался безмолвным наблюдателем.

Все они были частью его и с каждым моментом сливались в одну личность, неразделимую, помутненную, безумную и неконсистентную.

Сато наклонил голову и пробормотал:

— Я не могу принять свое существование, потому что я уже давно не то, чем когда-то являлся.

Арти грустно покачала головой. Нет, это не тот ответ, который она или он хотели услышать. У него просто не хватало сил копнуть глубже.

И все же, он чувствовал, что стоит на пороге понимания.

Арти поцеловала его и молча ушла, не стесняясь мгновенно исчезнуть прямо в воздухе, как призрак далекого прошлого.

Сато прошелся по лужайке и уставился в одну точку, пытаясь найти в себе утерянную часть головоломки. Его рука медленно поднялась и дала ему крепкую пощечину, нарушив его размышления.

— *Выспался??*

— Едва ли

— *Успеешь еще поспать. Начнем с того, что тебе вообще не обязательно спать, не то что нам, детям природы.*

Кэти нажужжала в его голове, как назойливая муха, пытаясь пробудить что-то в центральной нервной системе.

— Кэти

— Да?

— *Делай то что считаешь нужным. Забирай тело. Попробуем разделиться. Может сработать.*

— Я... спасибо, Сато. Но это очень опасно. Ты тоже чувствуешь это?

— Да, нас будут ждать. Это не чувство, это мысли Филиппа, которые он тщательно пытается от нас скрыть. Мерзавец полужив, но все еще готов уничтожить всех нас ради выживания.

— Не могу винить его в чем-то. Меня тоже больше устраивал кулуарный храм моего тела. ... О нет.

— Что?!

— Откуда я знаю это слово? Впрочем, лучше уж так, чем вспоминать чужие ночные приключения.

— Прости

— Тебе не за что извиняться. Я знаю, что ты будешь винить себя, но хочу немного смягчить силу твоего самобичевания. Как охотница и следовательно.

Сато ушел с привычного направления движения к лифту, остановился и повернул голову по направлению к солнцу. Лучи света, хотя и отраженные от ярусных зеркал, осветили его лицо и теперь он чувствовал их танец через закрытых глазах.

Яркие огоньки все быстрее закружились красными точками в сумраке плотно закрытых век и мгновенно померкли, вытесненные раздраженной электрохимией помутненного разума.

Кэти не успела договорить, как почувствовала, что ее мировоззрение обрело запахи, тактильные ощущения и... бескомпромиссную яркость. Отведя глаза она заглянула внутрь себя. Себя.

Сато спал, свернувшись внутри сознания в позу эмбриона и укрыв собой возбужденные личности его постояльцев.

Кэти осталась наедине с собой, со своими мыслями и демонами. И взятым взаймы телом.

"Кэтрин Холл"

Ложь. Ее окружала ложь все это время. Сколько поколений уже живет Кэтрин Холл? Сколько ей лет? 50? 100? И все это время она совершала одну и ту же ошибку.

Не обращала внимание.

В ритме погони нет времени, чтобы остановиться, чтобы подумать. Поразмышлять о том, для чего она бежит. Что она преследует? Мистическое спокойствие забвения? Несформулированные идеалы?

Или она бежит от чего-то? От собственного прошлого? Нет, она не знает его вовсе. А если бы и знала, то не могла бы отличить собственных воспоминаний от инъектированных. От самой себя? Но что есть она без прошлого и будущего? Без собственного тела? Прimitивная проекция, двумерный срез чьей-то личности? Грубый слепок вульгарного архетипа?

Кэти нашла внутри какой-то маленький теплый сгусток: желание добраться до истины, разгадать загадку и исправить все. Да, исправить все. Ей нравилось как это звучит.

Миниатюрная фарфоровая черта: перфекционизм, вознесенный желанием оптимизировать и улучшать действительность. Вот только... нужно ли действительности помогать изменяться?

Кэти поняла, что загнала себя в угол и решила остановиться пока на том, чего достигла. Она хотела закончить то, что начала. Не ради погони, не ради гормонального подъема, ради желания довести дело до конца.

Ноги понесли ее к лифту, а голова начала обрабатывать информацию, чтобы сформировать план действий.

Гравитационным притяжением кольцевых ярусов в среднем сегменте города были "войды": рабочие пространства, небольшие континуумы, созданные для

воспроизведения необходимых условий и загрузки в них наблюдателя и наблюдаемой модели. Кластерной мощности хватало для ускорения вычислений каждого войда в пределах сотни тысяч мировых постоянных: то есть модель человеческого мира, загруженная в войд могла быть ускорена в сотни тысяч раз, чтобы получить результат о каком-то наблюдаемом тысячелетиями процессе в считанные часы.

Аудитория этого квартала явно была биологическая: рядом с многоэтажным зданием стояла пристройка в виде лаборатории, где синтезировались и печатались смоделированные формы жизни.

Кэти вдохнула поглубже, проверила карманный парализатор, который замотала органической тканью и прикрепила на бедре и вошла в здание.

Следующее мгновение она уже была скручена, суставы болезненно вывернуты, а чья-то грубая хватка ощупывала все тело, пытаясь найти оружие.

Парализатор был найден в считанные секунды: не очень-то убедительно спрятанный, он немного оттопыривался от тела и поэтому себя выдал. Кэти выдохнула.

Четыре громы внимательно осмотрели ее еще и раз и подтолкнули за стойку регистрации, где тянулся длинный коридор, опоясывающий здание и расходящийся на сотни войдов.

Здание было пустым. Абсолютно пустым. Кэти, сохранив свои инстинкты, начала осматриваться и заглядывать в каждое помещение. Их недра кто-то изрядно очистил от любых следов человеческой жизнедеятельности: от приборов, принтеров и...

Что-то не сходилось. Зачем...

Ее мысли были прерваны грубым толчком в спину и широким кабинетом, в центре которого были установлены стол и два стула. Один стул уже был занят неприятным субъектом, который уставился на нее немигающим взглядом, откинулся на спинку и заложил руки за голову.

Кэти усмехнулась краем и с напускной грацией вошла в комнату, уютно располагаясь на стуле. Она знала правила игры и это ее успокаивало.

Стул. Фальшивый комфорт в позе. Немигающий взгляд. Молчание.

Позиция силы, самый дешевый ее вариант.

Кэти рассмотрела охранников, которые расположились по сторонам от нее и оценила свое положение. Расстояние до них приличное, как и до ее собеседника. У них в руках

парализаторы, у нее из потенциальных орудий только громоздкий стул. Физическое давление вряд ли удастся оказать, придется действовать более изящно.

Она стала полиаморфом. Жоанна была права, нужно использовать любой инструмент для создания рычага давления.

Полиаморф аккуратно положила ногу на ногу, отвела взгляд и начала первой:
— Вы из Леты, не так ли?

Собеседник наклонился, облокотился на стол и серьезно произнес:
— Нет.

Он продолжал смотреть на нее, будто пытаясь проломить какую-то внутреннюю стену, найти слабую точку и заставить ее сдаться. Кэти улыбнулась ему и продолжила.
— Из Цикад?

В этот раз он не удосужился ответить. Ледяной взгляд, дискомфортная близость: ей показалось, что стол стал визуально уменьшаться.

Какая глупость. Что это за цирк? Кэти хихикнула и смех получился неестественно фальшивым.

Стены стали сжиматься, а стул впился в ее спину с такой силой, что она чуть не вскочила. Неосторожно повернувшись к собеседнику, она поцарапалась о его взгляд и вскрикнула. Взгляд физически приносил боль. Она посмотрела на краешек руки, которой она загородилась от глаз оппонента и ужаснулась от обожженного красного пятна, растекающегося по коже.

Они ей что-то вкололи! С ней что-то не так.

Нет... Кэти вспомнила, что в теле полиаморфа психоделики бы не сработали так эффективно из-за стабилизаторов имплантов.

Изменение топологии комнаты, сюрреалистические воплощения...

О, нет. Вот мерзавцы. Они погрузили ее в континуум. Преступная изобретательность. Поместить живого человека как объект наблюдения вместе с дознавателем, контролирующим действительность.

Так они могут сломать разум в считанные минуты. Создавая сцены, руководствуясь мыслями и страхами, мгновенно считывая мысли и порывы.

Не давая ей закончить мысль, ее тут же забросили в капсулу. Капсула была олицетворением ее животного страха, страха снова очутиться там, среди консерв.

Кэти не успела выдохнуть, как капсула стала сжиматься, а ее тело медленно сдавливалось, ломая кости.

Боль заставила ее потерять сознание, но оно в тот же момент вернулось, заключенное в пластмассовую биомассу, из которой вылепливали мозг и нагревали, чтобы он принял нужную форму. Каждая мысль Кэти сопровождалась коротким светодиодным всплеском на одной из граней, что выворачивало ее наружу.

Мозг не мог обработать столько информации и стал сбоить, принимая в себя множество внешних сигналов. Кэти в туманной дымке самосознания уловила как одно за одним из нее выкачивают воспоминания.

Она выскользнула из объятий смерти и побежала (у нее есть ноги!) прочь, но в тот же момент она обнаружила, что бежит навстречу дознавателю. Он держал в руках липкую ленту, словно безумный кондитер — карамель, и теперь наматывал ее мысли на руки. Карамель эта текла прямо из груди Кэти, а с каждым слоем она чувствовала, что теряет что-то важное внутри.

"Сато!", — крик прозвучал вязко, пролился вниз и она, будучи мотком фетучинни, попала мгновенно в огромную пасть бездны.

Окружение сменилось на что-то человеческое. Нора. Поразительно похожа на... о, нет нора Бэджера. Ей нельзя думать об этом, ни в коем случае.

Свет врезался в ее лицо и она зацепилась за боль, как за спасение своей души.

Кэти приоткрыла глаза и потрогала себя за руку. Она лежала в капсуле! Видимо Сато поменялся с ней местами и теперь участвовал в этой пытке вместо нее. Нужно срочно вызывать их отсюда.

Осторожно встав, она обнаружила в бескрайнем белом пространстве только две капсулы: ее и дознавателя. Никаких иных способов управления континуумом в войде не нашлось. Значит пора импровизировать.

Охранников не было: им нельзя было находиться в войде, хотя не стоило ждать, пока кто-то из них заглянет в физическую проекцию войда и увидит, что пленник сбежал наружу.

Подойдя ко второй капсуле, она увидела там Альфреда. Альфред открыл мутные глаза и теперь безучастно крутил головой, видимо пытаясь преодолеть первичную реакцию мозга на смену окружения.

Кэти выругала себя. Она забыла, что встав из капсулы выдернет из войда и Сато. Беспокойство заколотилось у нее в голове и она закрутилась вокруг, не понимая как

выбраться из кабины.

Вызвав интерфейс комнаты, она нашла программный интерфейс и запустила команду сворачивания войдя в топологическую постоянную. Несколько мучительных мгновений спустя, ее мозг обнаружил дверь выхода и она собралась с силами, чтобы дать отпор стоящим снаружи охранникам.

До ее плеча дотронулась рука и она, охваченная бурей рефлексов, развернулась и ударила кулаком атакующего. Удар получился хлестким и неожиданно сильным: сказывалась иная физиология полиаморфов. Что-то неприятно хрустнуло и Альфред упал на пол.

Истекая кровью, он начал чертыхаться и искать что-то, чтобы прижать к носу. Его рука оказалась вздета и он по-мирному отмахнулся, давая понять, что не собирается нападать.

Кэти направилась быстро к двери, но она резко распахнулась и ее сбили с ног. Громилы неукротимым шквалом ворвались внутрь и окружили ее и Альфреда, оказывая ему первую помощь. Дознаватель поднялся, что-то сказал подчиненным и они быстро вывели его наружу.

Кэти повели следом, наклонив вперед головой и удерживая ее руки на уровне шеи. Длинные ручные парализаторы теперь грубо касались ее спины и держали ее в напряжении. Одно неловкое движение, и разряд обесточит ее импланты и отправит такой сигнал в нервную систему, что ей придется валяться на земле и хватать ртом воздух.

К ее удивлению, в соседней комнате перед ней поставили стол и два стула, один из которых сразу же занял Альфред, устало свалившись на сиденье, а второй пришлось занять ей.

Глава Леты откинулся на спинку и прохрипел, стараясь преодолеть неприятные симптомы своей травмы.

— Кэти, вы наверное гадаете почему мы с вами сейчас разговариваем. Дело в том, что...

Он откашлялся и попросил себе и своей собеседнице стакан воды.

— Кхм. Дело в том, что наша философская ячейка...

— Цикады

— Да, Кэти, Цикады. Наша философская ячейка имеет

Изначальное наше желание было более чем рациональным: достать из вашего друга-полиаморфа нашего ценного партнера, Филиппа. Однако, как оказалось, его личностный потенциал был изрядно снижен и его воспоминания... как бы это сказать... смешать вместе с остальными личностями. Видимо это случилось во время повреждения сосуда.

— Как понимаете, я был очень расстроен. Мало того, что я потерял друга, увы, навсегда, так еще и допустил, чтобы его ценные воспоминания потерялись среди этого семантического мусора.

— И вы попробовали достать его с помощью войда.

— Да, именно так. Частично это получилось, но тут случайно в поле зрения появился новый фактор, в некотором смысле меняющий дело.

— И что же это?

Кэти начала испытывать раздражение. Она чувствовала себя глупо, выслушивая откровения от собственного похитителя.

— Видите ли, Кэти, искины довольно любопытные соперники: у них есть целый ряд преимуществ, которые нам, людям, и не снились. И все же, мы нашли способ получать информацию о том, что происходит в министерстве.

Кэти напряглась и нервно застучала пальцем по столу. Она начала догадываться куда ведет Альфред и чем это может для нее закончиться.

— В Министерстве работают люди. Такие как вы, Кэти. Думаю, искины сами не рады такому стечению обстоятельств, но к этому их принуждают договоренности, заключенные много поколений назад. Сам этот факт никакую пользу нам принести не мог: все сотрудники проходили тщательные процедуры промывки мозгов. Однако...

— Однако..?

Раздражение сменилось любопытством и Кэти не заметила, как подалась вперед всем телом, стараясь не пропустить ни слова из бормотания Альфреда, который видимо стал забывать, что рассказывает что-то собеседнику, а не блуждает в собственных мыслях.

— Они оставляли архитепические черты личности. Мы использовали это, чтобы сделать в сознании наших агентов маленькую засечку: кусочек информации, зашитый глубоко внутри. Моторные тики, механические привычки и раздражители исчезнувших запахов или вкусов.

Кэти задумалась, не замечала ли она что-то такое за собой.

— Нет, Кэти. Если бы вы могли это заметить, никакого смысла в таких засечках не было бы.

— Зачем вам эти засечки?

— Наши агенты, спящие цикады, изредка совершенно случайно сталкиваются с полиаморфами. В очереди за едой на нижних кварталах, в кукольных домиках, на прогулках в парковых зонах или просто перемещаясь в лифте. Полиаморфы делают снимок их сознания, своего рода бэкап, и уносят к нам, где мы вычищаем все содержимое и изучаем полученные материалы.

— Вы используете полиаморфов, чтобы получать данные о делах Министерства?

— Да. Полиаморфы — ценный инструмент. Созданные искинами, они обладают полезным умением скрываться от внимания Министерства из-за своего отчужденного мировоззрения. Мы создали нейровирус, паразитирующий на их способностях, взяв за основу *Massospora cicadina*.

— Что это?

— Любопытный артефакт эволюции паразитов. Гриб, который заражает особь, впрыскивая ей псилоцибины или амфетамины. От этого цикады в режиме зомби, с отмершим телом и уже отсутствующими половой и пищеварительной системой, спариваются с другими цикадами и заражают их спорами до тех пор, пока не свалятся на землю подобны мумиям и не рассыпят споры на еще спящих особей. Ультимативная машина манипуляции и контроля.

Кэти стало дурно. Слушать об этом как о биологической сводке могло бы быть интересно, если бы речь не шла о живых существах, думающих и чувствующих, в теле которого сейчас находилось и ее сознание.

— Это отвратительно. Это ужасно и мерзко.

— Возможно. Но это всего лишь сравнение, нейровирус практически не поражает тело физически, только манипулирует желаниями жертвы. Нам нужно, чтобы полиаморфы питались сознаниями других людей: это подпитывает сознание-паразит до тех пор, пока мы не извлечем его из сосуда. Обычно процедура занимает пару дней и полиаморфы не страдают так уж долго, но ваш подопечный умудрился сбежать от нас и сделал свою жизнь воистину мучением.

— Можете ли вы освободить его и вылечить?

— Да, вот мы и подобрались к причине нашего... надеюсь продуктивного диалога. Дело в том, что у вас, Кэти, как вы уже наверняка поняли, есть насечка. Не простая насечка. Одна из самых первых: грубая и яркая. И эта насечка имеет историю.

— Что это за история?

— История основания Цикад. В силу секретности нашего течения мы не знаем личностей, которые создали тот фундамент, на котором была выстроена организация, но у меня и партнеров есть основания предполагать, что вы один из них.

Кэти задумалась. С одной стороны, это звучало невероятно глупо, даже смешно. С другой стороны, такой поворот давал ей преимущество, джокера в рукаве. Она может диктовать свои условия и... совершенно необязательно исполнять свои обещания.

— Что вы предлагаете?

— Рад, что вы разделяете наш рациональный подход к переговорам. Мы видим два варианта развития событий: первый подразумевает, что вы принимаете нашу сторону и готовы восстановить часть воспоминаний; мы переносим ваше сознание в новое тело Филиппа и вы помогаете нам перевернуть стрелку доминирования в соперничестве с искинами. Второй вариант чуть более мрачный: мы силой вытягиваем из вас всю информацию, сажаем в тело полиаморфа, предварительно его очистив и восстановив нейровирус и отправляем обратно в город, чтобы вы приносили пользу Цикадам иным способом.

Кэти улыбнулась. Снова позиция силы — дать два варианта, один из которых является предупреждением. Она сосредоточилась на первом варианте: очевидно, что ей промывают мозги перед тем, как посадить в тело, притом еще и "обогащают" какими-то воспоминаниями, возможно инъективного характера, так что никакого прямого контроля над телом она не получит. С другой стороны... они совершенно точно должны будут вывести ее из кабинета и это может сыграть на руку.

Кэти, что-то здесь не т...Кэти?

— Что будет с Филиппом и полиаморфом?

— Тривиа провела полный анализ сосуда полиаморфа и пришла к выводу, что Филипп уже в полной мере потерял свою консистентность и теперь не более чем пластичное эго в первичном бульоне коллективных суждений. Воспоминания и артефакты прошлой жизни.

Кэти внутренне напряглась. Она надеялась, что это просто блеф, потому что говорить о растворении сознания и потере консистентности с таким спокойствием — это вершина одиозности. И все же... глядя на это расслабленное и безучастное лицо, она

поверила, что этим людям ничего не стоит так попроситься с партнером или даже другом.

Альфред прочитал у нее в глазах удивление.

— Мы уже имели этот разговор, хотя вы наверное его не помните. Впрочем, может быть оно и к лучшему: завершился он кошмарно, к счастью, лично я, эта версия меня, этого не видела.

Кэти нахмурилась. Она знала, что ее воспоминания могли корректироваться, но никогда еще не сталкивалась с последствиями этой процедуры. Министерство было ее оплотом спокойствия и стабильности и она не хотела допускать внутрь мысль о том, какой ценой эта стабильность достигалась.

— Цикады возникли . Искины нашли что-то в космосе. Какой-то объект. К сожалению, мы не знаем что это. Возможно они то же не знают. Но после этого их интерес вокруг человеческого бессмертия вырос многократно и уже спустя несколько месяцев мы получили не только имплементацию бэкапирования сознания, но и строящиеся хранилища на орбите. Любопытно, не так ли?

— Честно говоря, пока не вижу причин для переживания.

— Как и все человечество. Однако прошло пять лет, десять лет, люди по своей привычке перестали обращать внимания. У человеческого мозга есть такое неприятное свойство: формировать привычку, а потом выкидывать из мозга мысли о раздражителе. Люди адаптировались, забыли о том, что имели и ощущали до обретения бессмертия. Перестали задавать вопросы. Перестали думать о конце, перестали думать о смерти. Потеряли желание проживать каждый день как последний. Потеряли желание что-то менять в своей жизни. Кэти, люди потеряли пессию к жизни.

Не увидев в ее глазах поддержки, Альфред устало облокотился на стол и пробормотал:

— Вы сами увидите когда-нибудь, возможно когда восстановите свои воспоминания об ином периоде жизни. Удалось вспомнить из какого вы поколения?

Охотница непроизвольно отвернулась и пробормотала в стену:

— Минимум из миллениалов, застала воспоминания из детства. Выглядят правдоподобно. Уж точно лучше консервных.

Альфред участливо кивнул, вставая на ее сторону. Он был хорош в своем деле, главное не терять хватку. Кэти сделала вид, что почти готова согласиться, но внутренне напряглась еще сильнее: само время поторговаться.

— Что с полиаморфом?

— Мы планировали восстановить его тело, вернуть обратно нейровирус, очистить сосуд и выпустить. Но тут зависит от вашего решения: будете ли этим полиаморфом вы или Сато.

— Без нейровируса. Я бы хотела, чтобы его выпустили без него. И мне сохраняют текущие воспоминания.

Что-то мелькнуло в глазах Альфреда и он кивнул, соглашаясь с этим условием. Он поднялся со стула, придерживая платок у переносицы.

— Я так понимаю, что мы пришли к согласию.

Кэти встала со стула и оперлась двумя руками на его поверхность, устанавливая зрительный контакт.

— Только без глупостей. Успех нашего сотрудничества зависит от взаимного доверия.

Альфред на секунду замешкался и кивнул. Его лицо исказилось и вернулось в обратное состояние.

Что это было?

Происхо..т чт----о стр...ыовое, я не чувств...

Эхо мыслей Сато доносились до Кэти, но она старалась сосредоточиться на действиях Альфреда. Если у нее все получится, она вызовет Сато и обретет достаточно знаний о каждой из сторон конфликта, чтобы разобраться в ситуации.

Альфред активировал дверь в войде и указал ей рукой на проход. Кэти кивнула и вошла в коридор, напрягаясь и активируя рефлексy.

Сато расслабился и позволил своим мыслям унести его в поток бесцельных рассуждений. Какой можно себе позволить отдых, когда все что ты представляешь из себя — это массив импульсов и органических ячеек памяти? Последние дни вымотали его и теперь перед ним стоял выбор: отключиться и утонуть в первородном бульоне из потерявших консистентность личностей или поглубже вдохнуть и плыть на спине, изредка меняя направление движения руками.

Он выбрал второе, поэтому сейчас спокойно наблюдал, как Кэти общалась с Альфредом. Слова, которые доносились из уст каждого из них не тревожили его. Не тревожило его, когда они обсуждали его судьбу, не тревожил рассказ про искинов и

даже про нейровирус. Все это было так далеко и так неестественно, что казалось выдуманным, нереальным.

Его тревожил Альфред. Что забыл в этой нелепой погоне за беглым полиаморфом один из важных партнеров Цикад? Почему было не послать одного из подчиненных, подрядчиков или других вовлеченных, но менее значимых участников?

Вряд ли он возглавил допрос полиаморфа и охотницы только из-за своего друга, которого, как оказалось, он не сильно то и жаждал спасти. С другой стороны, что-то в его словах и позе говорило, что ему было невероятно важно быть на этом допросе лично.

Сато позволил себе чуть-чуть напрячь обработку входящего сигнала со своего тела и потратил некоторое количество вычислительных ресурсов мозга, чтобы присмотреться. Ничего необычного. Решительно ничего.

Сато расслабился, но все же оставил часть зрительных рецепторов внимательно следить за поведением Альфреда. Тот пытался успокоить свою жертву и сделать вид, что все уже ре...

Вот!

При повороте головы его лицо стало немного мутным, но потом снова восстановилось. Это произошло настолько быстро, что Сато показалось, что это артефакт восприятия. И все же...

Может быть кто-то притворялся Альфредом, чтобы навести смуту? Может быть...

Рассинхронизация наложенного изображения и исходного вряд ли могла происходить из-за недостатка вычислительной мощности: Сато слышал, что фейсмаглинг уверенно укоренился на нижних ярусах как раз по причине низкой требовательности к ресурсам. Повреждение нейроинтерфейса? Это было бы намного более заметным и болезненным опытом для Альфреда. Если только это не краткосрочная потеря пакетов В...

Он попробовал достучаться до инкапсулированной в пузыре консистентного мышления Кэти:

— Кэти! Происходит что-то странное, я не чувствую...

Да. Сато посмотрел на отражение Кэти в ножке стола и понял что происходит. Это объяснение было чрезвычайно логичным. Теперь это казалось очевидным.

Они все еще в войде. Войд не создан, чтобы транслировать реалистичную проекцию наблюдателя в виртуальную реальность с экстремально высокой частотой обновления: это ненужная функция, которая бы только усложнила аппарат. Наблюдатель чаще всего вообще не облачался ни в какую форму, оставаясь безмолвной невидимой камерой для происходящего.

Сато начал прокручивать в голове варианты развития событий. Зачем им оставлять их войде? Информация? Возможно. Еще один уровень, убеждающий мозг, что они в реальности и каждый из участников идет ва-банк. Попытка получить добровольно то, что силой можно не достать.

Тогда зачем нужно согласие Кэти? Чтобы проложить мосты к аутентичному контакту?

Он поймал себя на мысли, что пропустил часть беседы и теперь собеседники вышли из комнаты, целеустремленно двигаясь по коридору. Альфред продолжал рассказывать Кэти про Филиппа и его роль в организации.

Филипп? Зачем погружать сознание охотницы в его тело? Чтобы получить прямой доступ к информации?

Глупость какая-то. Есть и более простые пути для этого, а так они получают потенциально неподконтрольного агента министерства в теле одного из ячейки Цикад.

Если только они собираются получать в это тело именно Кэти.

Черт! Черт, черт, черт. Сознание Филиппа слабо, но поглотив, как личинка паразита, остальные сознания, он обретет силу и консистентность достаточные, чтобы обосноваться в новом теле. Все вставало на свои места.

Едва ли им нужна какая-то информация помимо того, что они уже получили. Им нужен обратно их верный и лояльный партнер.

Это была ужасная новость. Едва ли он может связаться с Кэти так глубоко, в войде. Все что он пытается сказать наверняка не более чем белый шум в ее, или вернее сказать, его перенаселенном общежитии-мозге.

Он задумался. Ему не нужно много, всего лишь намекнуть Кэти, что все происходит в войде. Желательно так, чтобы не пришлось ее убеждать, что это не фантомные задержки сигнала из первого уровня войда.

Если бы получилось сделать так, чтобы она тоже увидела задержку сигнала у лже-Альфреда. Но это можно сделать только из реальности, путь куда для него был закрыт.

Сато попробовал сконцентрироваться на теле и потерпел неудачу. Мозг был на пределе свои возможностей. Все его рецепторы получали усиленную стимуляцию и капсула сейчас диктовала нервной системе какие сигналы приоритизировать, а какие игнорировать. Тело было недоступно, оно оставалось за границей восприятия.

Альфред подвел Кэти к капсуле для погружения в тело и начал приготовления к перемещения сознания. Кэти начала залезать в емкость и осторожно озиралась по сторонам, силясь найти то, чтобы потревожило ее покой или заставило засомневаться в происходящем.

Глаза Сато были открыты и войд держал пальцами его веки, заставляя смотреть как его собственный разум превратиться в питательный раствор для приютившегося паразита. Наблюдение было мучительным, но еще хуже было осознание, что совсем скоро Кэти превратиться в архаичный дивергентный участок памяти, Арти перестанет существовать, а он вновь столкнется с Жаждой, чудовищно истязавшей его душу.

Жажда... Сато прикоснулся к пораженному участку своего тела, пытаясь нащупать трясущимися воображаемыми руками тонкую ниточку фантомной боли. Сосуд отозвался резким порывом и полиаморф успел на секунду ощутить стерильный запах гидрации капсулы.

Он решил попробовать снова. Все равно что представить зубную боль.

Кэти уже погрузилась в капсулу и теперь проходила адаптацию. Ее тело заполняла густая жидкость...

Сато решил использовать симпатические триггеры: почувствовать как жидкость окружает его тело, ощутить теплое гостеприимство капсулы...

Глаза. Яркий свет бьет в глаза.

Его веки поднялись и он увидел. Увидел реальность. Ощутил ее в великом многообразии, насколько позволяла это минималистичная кабина для войда.

Тело лежало в открытой капсуле, а он не мог пошевелить частями тела. В соседней капсуле лежал еще кто-то.

Какой ему прок от этой информации, если ничего с этим он сделать не сможет.

Кэти закрыла глаза и начала погружение в новое тело...

Сато задействовал все ресурсы организма, чтобы что-то сделать, но тело не могло пошевелиться и на миллиметр. А ему всего лишь нужно было вызвать диссонанс во входящих сигналах Альфреда и привлечь внимание этим у Кэти.

Если он не может дотянуться телом, значит сделает это другим способом. Сато подумал о своих сеансах в кукольном домике и его тело начало вырабатывать феромоны, возбуждающее человеческое существо.

Внезапно Альфред стал содрогаться и его изображение замелькало, будто оборванное внезапными порывами ветра.

— КЭТИ! КЭТИ СМОТРИ!

Кэти открыла глаза и выглянула через ребро капсулы. Колебания Альфреда были миниатюрными, но легкая хроматическая аберрация делала их заметными. Ее рефлексы сработали мгновенно и он рванулась наружу, сразу вставая в боевую стойку. Замешкавшись, она еще раз проверила своего спутника внимательным взглядом и, не обращая внимания на его заверения и слова, ударила его в подбородок, мгновенно уложив на землю.

Сато радостно вскрикнул и попробовал снова пошевелить телом. Безрезультатно. Его конечности были искусственно парализованы капсулой и всего его попытки заканчивались лишь безумным напряжением нервной системы и приступом отчаяния.

Он все еще не придумал как им выбраться из заточения, радоваться было преждевременно. Сато расслабился и позволил себе снова течь в потоке сознания Кэти, размышляя над вариантами. По крайней мере никто не пытался их уничтожить в данный момент, можно было принять это как маленькую победу.

Кэти умирала.

Хотя вряд ли такое можно сказать о заключенном в чужом теле сознании.

Кэти не знала что с ней происходит и это пугало ее. Хотела бы она знать, что умирает: когда ты сменяешь очередное тело, то уже не боишься смерти. Или хотя бы знать, что сознание просто прекратит свое существование, прекратит осознавать себя как личность. Даже это не беспокоило ее: подобная перспектива казалось чем-то... естественным.

Но она чувствовала, что растворяется в гудящем рое из первичного бульона взбудораженных эго людей, сломанных, частично разрушенных, с потерянными воспоминаниями, создающими фундамент для принципов существования. Она погружалась в трясину желаний, мыслей и остаточных, фантомных мироощущений расслоившихся личностей и гравитационное притяжение этих субстанция была так велика, что она запаниковала и начала отмахиваться конечностями от всего, что было уже запачкано.

Одержимость. Она чувствовала только экзистенциальную одержимость этих... людей? Существ. Подобные зомби, утратившим жизненно важные органы, они были лишь одержимы выжить, без понимания что стоит за этим желанием.

И эта масса сейчас активно тянула ее за собой. Да, пожалуй это хуже смерти: бессмысленное существование за счет поглощения других мыслящих созданий.

С другой стороны, что вообще есть осмысленное существование? Уж точно не ее охота: бесконечная погоня за утопическим миром спокойствия и процветания человеческого общества. Когда Альфред сказал ей, что она является лишь срезом личности, сформированной множество поколений назад, она охотно в это поверила: это была удобная мысль, желанная. Ей хотелось бы, чтобы кто-то показал ей, что все это время она жила ради чего-то, просто не видела этого. Что она все делала правильно, что не так просто потратила свою осмысленную жизнь на гонку.

Если ты прожила жизнь, значит ты все сделала правильно

— Сато?

Он мягко прикоснулся к ее сознанию и это наполнило ее теплом. Трясина уже не казалось чем-то пугающим, просто необычным артхаусным объектом для наблюдения. Любопытным, и даже немного манящим. Кэти поняла, что Сато немного изменяет ее мировоззрение.

— Не делай этого. Я бы хотела видеть то, что вижу и чувствовать то, что чувствую без дополнительных фильтров.

Сато отодвинулся, но ощущения не изменились. Кэти удивленно повернулась к нему и спросила:

— Почему?

— Мы все видим через фильтры. Эти фильтры могут быть сформированными за много лет до того, как мы научимся делать собственные. Эти фильтры могут быть самозащитой сознания, пытающегося обуздать самого себя. Эти фильтры могут быть даже легким глитчем мозга в ответ на огромный поток входных данных. Фильтры не делают изображение не истинным, фильтры лишь дают нам возможность смотреть на истину, не испытывая дискомфорт.

Кэти засмотрелась на темную массу, которая теперь казалась чем-то приятным, обузданным и даже успокаивающим. Чем-то, обещающим забвение. Но не забвение для личности, а забвение для страха.

— Как ты создал этот фильтр?

— Люди в сосуде... они боялись. Но боялись не смерти, не бесконечного увядания и прекращения существования, а... неизвестности. Любопытство и интерес победили страх. Сделай свой страх чем-то вызывающим любопытство, новым опытом, и он поменяет свой оттенок. Станет желанным.

Девушка расслабилась и улыбнулась своему страху. Она понимала его и более не паниковала. Она благодарно посмотрела на Сато, но увидела, что тот печально смотрит в пол. Кэти подошла к нему и взяла за руку.

— Кэти, у нас есть проблема...

— Я знаю, Сато. Я в твоей голове, забыл?

Кэти уже решила. Просто оттягивала это решение, чтобы принять кое-что внутри себя. Она шагнула вперед и присела, чтобы черная гуща охватила ее, тягучие руки растворенного сознания прикоснулись к ее разуму и успокоили. Она почувствовала, как медленно засыпает, как под влиянием снотворного.

Сато подбежал к ней и вытянул руки, предлагая помощь. Он выглядел удивленным и обеспокоенным.

— Что ты делаешь?

— Погружаюсь в Лету. Собираюсь познать что же такое вечность.

— Ты делаешь это из-за желания получить цель в жизни, избавив меня от смерти?

— Нет, я делаю это, чтобы разобраться в себе. Выбросить все ложные убеждения, старательно навязанные мне обществом, избавиться от инъективных воспоминаний и понять что на самом деле мне важно, что составляет важную часть моей личности. В этой трясине и мои воспоминания, помнишь?

Сато тепло улыбнулся. Кэти дружелюбно оскалилась.

— Береги себя, красавчик. Помни, что ты такой же человек, как и мы все. Немного измененный, но только снаружи.

Кэти подмигнула ему и исчезла в трясине. Сато еще долго смотрел туда, но понимал, что все это лишь попытка мозга визуализировать происходящее.

Глаза Сато были закрыты, но он слышал, как человек, лежавший в соседней капсуле в войде встал и уверенным шагом вышел из кабинета, заперев за собой вход. Он еще на

мгновение задумался о том, были ли это сам Альфред или один из членов Цикад, как его накрыла пелена белого света, погружающего в сон.

Оставалось только надеяться, что его сознание и тело окажутся бесполезными для Цикад и они просто оставят его в клинике или выпустят на волю. Жажда более не пугала Сато: он знал как с ней совлада...

Мысли еще неуверенно брыкались в голове, когда царство Морфея поглотило его полностью.

Кира была на седьмом небе от счастья. Она буквально висела в воздухе, хотя и не так высоко, как ей хотелось бы сейчас находиться. Лестница у ветряка была крутая, а они с Никосом еще и умудрились поставить его на здоровенный холм, так что поднявшись практически к площадке мышцы ее ног свело, а руки побледнели от напряжения.

До поручня оставалось уже немного и она несколько раз резко вдохнула и выдохнула, чтобы... она не знала зачем. Она видела, как Джарис делает так, когда погружается в холодную реку и стала делать также. Возможно все дело в снижении углекислого газа и увеличении кислородного запаса, а может быть это просто физиологическое плацебо для снижения стресса и увеличения концентрации.

Это помогло: пальцы немного оттаяли и она уверенно ими зашевелила, поражаясь как сумела подняться на этих неподвижных крючках.

Ветер завывал у нее в ушах и Кира плотнее замоталась обрывком мягкой подложки для верстака, которую обнаружила у себя в мастерской. Ткань была мягкой, теплой от ее собственного дыхания и приятно пахла уютом дома.

Очнувшись от легкой дремоты и мечтательности, она подтянулась на ногах, схватилась крепко за основание лестницы и полезла наверх. Верхушка площадки с вырезом в сетчатом основании была уже так близко, что Кире захотелось ускорить темп, но она не позволила себе сбиваться с ритма: эти чертовы лестницы бывают слишком скользкими наверху, не хватало еще оступиться и свалиться вниз.

Она мельком оглянулась вниз и увидела Никоса, который возился с трансформатором недалеко от ветряка, погруженный в процесс с головой. Вряд ли он что-то заметит сейчас, даже если она бросит на него сверху яблоко.

Яблоко.

Кира почувствовала, что организм откликнулся на это слово и в животе заурчало. Урчать бы ему еще несколько часов, если бы Никос заботливо не подсунул ей сверток

с едой, зная, что режим питания в ее системе приоритетов был где-то на последнем месте.

На платформе она позволила себе скинуть приталенный рюкзак с инструментами и едой рядом с контрольной панелью и устало села, прислонившись к основанию ветряка. Работы было не очень много, но ей предстояло простоять в этом шуме не меньше двух часов, поэтому она позволила себе немного расслабиться и сконцентрироваться на деле.

Сконцентрироваться никак не удавалось. Ее мысли кружились вокруг резко изменившейся жизни, обстоятельств, которые выдернули ее из комфортного затворничества; мировоззрения, которое открыло ей доступ к постижению природы и общества. И Никоса, который открыл перед ней дверь к этому миру. К миру внутреннему и внешнему.

Оказалось, что ее богатый внутренний мир все это время прятался от воздействия внешнего, потому что он боялся. Она застряла в этом пузыре, который сформировала в детстве, времени, когда она не страшилась многих вещей, которые впоследствии унаследовала от общества.

Никос помог ей встретить свои страхи, показал ей как принять их и изучить с помощью самого безотказного инструмента человечества: любопытства.

Их ночные вылазки в город открыли ей глаза на иную жизнь. Не хуже и не лучше жизни в общине — просто другую. Город оказался местом, где сочетались самые невероятные человеческие черты, а искины и репликанты добавляли равновесия и беспристрастности там, где людской разум мог давать сбои. Ее воображение захватывало от открытий, которые она еще могла совершить от таких вылазок.

Кира улыбнулась себе. Вот, снова. Она пыталась себе доказать, что ночные вылазки ее беспокоят только из-за благородного для инженера желания узнавать что-то новое. Но дело было не только в этом, но и в отношениях, которые теперь связывали их с Никосом.

Она не боялась их, но что-то внутри не позволяло ей открыться перед собой. Разум постоянно рационализировал эту привязанность и пытался придумать оправдания каждому действию. Никос предложил дать себе время, позволить привыкнуть к новой жизни и не торопить события. Он был очень внимателен и от этого Кире становилось немного легче.

В общине, конечно, пошли слухи. Еще бы, в таком маленьком социуме не укроется от внимания тот факт, что они все время проводят вместе, разбирая и налаживая одну систему за другой. Кира говорила остальным (и себе), что у Никоса намного больше опыта в системах жизнеобеспечения и ей не терпится этот опыт перенять, хотя,

очевидно, никто ей не верил (как и она сама). Ну и плевать, нашли себе повод для болтовни.

Слухи не сильно беспокоили ее — это была важная часть жизни поселения и она сама иногда любила придумать какую-то глупость про себя и вкинуть в этот испорченный конвейер фантазий и подсознательных желаний людских, чтобы когда-то услышать что-то еще более абсурдное и смешное. Ее волновало, что это могло касаться других людей. Никос старался не придавать этому значения, но в общине его стали сторониться, еще больше, чем прежде, а Ари перестал помогать ему адаптироваться в их суматошном укладе жизни.

Она посмотрела вниз, на Церковь, которая застыла в безмолвном великолепии и бросала вызов своим шпилем всем штормовым порывам, буйствовавшим на их земле сегодня. Ей нужно поговорить с Ари: она поступила несправедливо, спрятавшись в раковину своей комфортной зоны и не поговорив с ним сразу, только заметив его болезненную реакцию.

А сейчас... пора за работу.

Девушка размяла плечи и потянулась за рюкзаком. Одно яблоко до, второе после — договорилась она со своим желудком.

Восторг охватил ее и заставил все тело трепетать. Ветряки работали! Ветряки работали!! Тепло разлилось по всем конечностям и она облегченно засмеялась.

Это была самая тяжелая работа, которая когда-либо у нее была. Мучительно тяжелая как физически, так и морально. Кира чувствовала, как энергетически истощилась за последнюю неделю.

И все же, она была счастлива. Прислушавшись к себе, как ее учил Никос, она поняла, что помимо гордости за себя, радости за общину и дофаминового триумфа, она наполнилась возбуждением от того пути, который прошла. Приятное откровение.

Кира попрыгала еще немного на платформе, обняла ставший уже родным ветряк и начала собирать вещи. Держа в зубах яблоко, она еще раз взглянула на общину, которую считала домом и неожиданно для себя подумала, что возможно когда-нибудь он станет слишком тесен для нее. Как она поступит тогда? Найдет общину крупнее? Или уедет в город, нарушив все их обеты?

Кира улыбнулась и решила не загадывать. Впереди еще столько открытий.

Она начала спускаться вниз с платформы, осторожно держась руками за основание. Чертыхаясь от усилившейся бури, она прижалась всем телом к мокрой лестнице и

испуганно выдохнула.

Ее одежда затрепетала на ревущих и свистящих потоках ветра: она попробовала вжаться еще сильнее, но безуспешно.

Нужно было отцепить рюкзак, покрытие начало паруситься и тянуть ее назад. Потянувшись за ремнем, она оступилась одной ногой и резко схватилась обратно за поручни.

Рука соскользнула по мокрому поручню и беспомощно повисла в воздухе.

Она почувствовала, что руки больше ни за что не цепляются, а тело начало менять угол и поворачиваться параллельно земле. Ноги все еще стояли на ступени лестницы, но уже не могли быть опорой, потому что центр тяжести сместился.

Мгновенное осознание неизбежного. Испуг, короткий вскрик и яростный свист в ушах. Чертов шторм.

Резкий стук, неприятный хруст, застывший в ушах, и темнота.

Сознание Сато выдернули из созерцания воспоминаний и грубо бросили в разлившуюся перед опухшими глазами реальность. Над его лицом склонилась девушка и теперь осматривала его с помощью какого-то прибора.

Сато не понимал что происходит, входные сигналы никак не находили должной интерпретации, только скапливались и раздражали и без того напряженную нервную систему. Его мысли все еще кружились вокруг Киры, а ужас падения сотрясал тело.

Белая комната. Кабина войда? Нет, просто лаборатория, скорее всего в том же здании. Лета решила его подлатать перед тем как выпустят обратно на улицу?

Он пошевелил зрачками и понадеялся, что незнакомка что-либо скажет, но в ответ на его действия она лишь поменяла прибор и быстро оглянулась. Странное поведение для биотехника.

Незнакомка увидела, что он хотел что-то сказать и перебила его:

— Молчи, не открывай рот. У нас есть минут 10 от силы, а я еще не закончила реконструкцию сосуда.

Она проверила что-то в нейроинтерфейсе и снова склонилась над ним. В емкостях вокруг лежали окровавленные компоненты, а новые она аккуратно доставала из вакуумных пакетов.

Бережно зашив что-то в груди, она выдохнула и пробормотала вслух:

— Придет Министерство, тебе конец. Придут Цикады, будет еще хуже. Но ты сбежишь. Когда я закончу, ты окажешься в контейнере с органическими отходами. Робот выбросит тебя на полпути к рециркуляции.

— А вы?

Девушка раздраженно посмотрела на него, но потом смягчилась.

— Молчи. Выкручусь как-нибудь, не в первый раз. В органический мусор прыгать не собираюсь, даже не проси.

Полиаморф наклонил голову и прошептал ей, практически не разжимая губ.

— Спасибо.

— Не ради тебя. Ради нее.

Девушка постучала пальцем около виска и позволила себе на долю секунды отвлечься и оглянуться за спину. За ее спиной послышался шум и резкий крик. Сато не разглядел что там находилось, а повернув голову набок, увидел лишь мутную пелену, настигнувшую его так стремительно, что он принял неизбежное и уснул.

— Как она? Она будет жить?

Молодой пастырь вбежал в палату и встревоженным взглядом проследил путь от окровавленных бинтов до кровати, которую они оборудовали под медицинскую кушетку. Он не боялся вида крови, но эмоции захлестнули с такой штормовой силой, что руки его застряслись, а желудок сжал невидимый кулак и его содержимое подступило к горлу. Прочитав негласную молитву пуристов, пастырь отдышался и присел рядом с кроватью, взяв Киру за руку. Рука была бледной и холодной.

Сара, их общинный доктор, выглядела изможденной. Пот покрывал ее лоб и периодически промокивала его салфеткой. Механический манипулятор справа от кровати занимался подготовкой к операции, а она читала что-то на громоздком устройстве, в котором Арион сразу узнал цифровой интерфейс к нейросети. Предмет их страстного спора: пастырь был против любого доступа к городской инфраструктуре, но Сара очень резко очерчивала свою территорию. «Пока ты спасаешь наши души, я спасаю наши тела и на помощь бога в этом деле я бы особо не рассчитывала», — вызывало крайнее возмущение у Ариона, что не вызывало никакой эмоциональной реакции у Сары.

Сейчас он был ей благодарен за эту упорность: как пастырь, он часто сталкивался к невозможности компромиссов в теологических вопросах, стоит немного отступить от того, во что веришь и вот ты уже настолько далеко от своей религии, насколько это возможно. Возможно он был в этом неправ: оспаривать свои суждения входило в его ежедневную практику, но пока вера не раз доказывала, что сплоченное идеалами общество намного крепче группы разрозненных индивидуалистов...

Какой же он дурак. Даже сейчас, держа в руках страдающую от боли девушку, он пускается в религиозные размышления.

— Как она, Сара? Не молчи.

Сара сделала знак рукой, чтобы он помолчал и продолжила чтение. Ее лоб был сморщен, а она нервно стучала под столом ногой.

Арион задрожал и стремительно себя одернул, заставив читать снова и снова в голове мантру. Жужжание механической руки нарушало тишину и прорубалось сквозь защиту его самовнушения.

Врач повернулась на стуле, облокотилась руками на колени и посмотрела в глаза Ариону.

— Она стабильна. Но едва ли это то, что ты хотел бы услышать, Ари. Никос притащил ее с практически не совместимыми с жизнью травмами и это чудо, что мы ее не потеряли в тот же момент. Еще одно чудо, что у нас был излишек медикаментов, установленный позавчера синтезатор крови и каким-то образом функционирующая капсула, которую Никос притащил из своего гаража.

Сара проследила гневный взгляд Ари в сторону двери и рассерженно бросила:

— Выбрось из головы свои проповеди, если бы не он, мы бы ее уже потеряли. Система жизнеобеспечения капсулы спасла ее мозг, пока мы восстанавливали кровоснабжение.

Она устало выдохнула.

— Честно говоря, я даже поверила, что бог помогает нам в эту минуту, настолько невероятным было ее спасение. И все же... все же... Это не та жизнь, которую мы можем пожелать человеку. Едва ли она сможет выйти из искусственной комы.

Сара встала, прошла вперед и назад по комнате и остановилась рядом с пастырем.

— Мы не можем себе позволить содержать человека в таком состоянии, Ари. Нам придется законсервировать ее в капсуле или... отпустить.

Арион встал и часто задышал. Он попробовал взять себя в руки, но ничего не выходило. Голос его ломался и дрожал, но он нашел в себе силы спросить:

— Есть ли надежда, что она проснется из капсулы?

Сара отрицательно покачала головой.

Пастырь не справился с чувствами и выбежал из палаты. Как только он скрылся за дверью, плач вырвался наружу и он спрятал лицо в потных теплых ладонях. Рывание сотрясало его тело и он начал лихорадочно дрожать.

Никос сидел рядом, оперевшись на стену. Он никак не реагировал, просто смотрел в пространство, глубоко дыша. Его городская бледность теперь уступила еще более глубокому оттенку белого.

Пастырь вытер лицо рукавом и уставился на инженера.

— Что случилось, Никос?

Неофит общины никак не ответил. Его кулаки сжались, потом разжались. Ничего. Арион надавил сильнее.

— Что случилось, Никос?

Вздых. Без раздражения или злости. Только отрешенный безэмоциональный голос в тишине коридора.

— Она... упала с ветряка. Был шторм. Упрямая, все равно полезла. Как она... я сразу принес ее к Саре. Мы думали, что уже конец, но кажется спасли ее.

Пастырь обреченно выдохнул:

— Спасли? Никос, она мертва. Жизнь без восприятия жизни не может считаться таковой. Она станет консервой. Ты помнишь консерв из города? Ты помнишь от чего мы все бежали? Она станет овощем. Никос, она мертва.

Он заплакал и его голос утонул во всхлипах. Никос опустил голову между коленей и обнял их руками.

Через несколько минут он упрямо выпрямился и произнес:

— Нет, она жива. Пока в ней теплится жизнь, мы не должны отчаиваться. В городе спасут ее. Искины спасут ее.

Пастырь ударил кулаком по стене и гневно посмотрел на Никоса:

— Как ты можешь такое говорить? Если тело Киры умрет, бог спасет ее душу. Отдать ее Искинам — значит отдать им и тело, и душу. Они извратят ее, сделают слепым инструментом, гедонистическим слепком, который в безмозглой эхопраксии будет повторять движения оригинала. Кира больше не будет Кирой, потеряв сосуд своего тела и отпечаток своей души.

Никос резко поднялся и схватил Ари за воротник.

— Она не объект твоих теологических распрей. Не корабль Тесея, чтобы тренироваться в красноречии и лениво покручивать в уме парадоксы. Она живой человек. Живой. И я сделаю все, чтобы она такой и осталась.

Он отпустил пастыря, развернулся на месте и резко вышел из здания.

Гул разбудил Сато, хотя в этот раз он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим.

Воспоминания догнали его не сразу, поэтому несколько минут он просто смотрел в прорезь внутри контейнера дрона и боролся с витающими внутри емкости запахами органического разложения.

Он чувствовал себя иначе, чем за последние дни его сумбурного существования. Его тело не было разбито, в голове не звучали голоса, а Жажда не повелевала его желаниями.

Солнце, пробивавшееся своими фотонными щупальцами сквозь полумрак, наполняло его энергией и... радостью собственного существования.

Воспоминания, к которым он обращался, переплелись крепким узлом внутри блуждающего разума и теперь он чувствовал намного больше, чем может ощущать полиаморф. Эти чувства не были продиктованы телом, это были осязаемые призраки прошлого. Упорство Кэти, страх и амбиции Филиппа, миролюбие и спокойствие Арти, страстность и раздражительность Ри.

Сато чувствовал еще кое-что: спокойное принятие. Неожиданное принятие себя как человека. Был ли он человеком? Он чувствовал что-то внутри: не пустой сосуд, но порыв... существовать. Да, безусловную радость существования.

Достаточно ли этого? Его тело не было человеческим. Может ли человек, утративший свое тело, свои воспоминания и свою личность называть себя человеком? Как корабль Тесея, от прежнего человека сохранилась лишь идея, смысл, но никак не все остальное.

Сато вытянулся, разминая тело, насколько это возможно было в тесном контейнере, и закрыл глаза в расслабляющей позе для медитации. Окружение не позволяло ему

забыться полностью и сконцентрироваться на теле, но он застыл где-то в полузабвенном состоянии и согласился хотя бы на это.

"Почему тебе так важно быть человеком?"

Арти лежала рядом с ним, подложив руки под голову и закинув ногу на ногу.

Сато промолчал. Он чувствовал, что она рядом, даже закрыв глаза. Наверное, потому что она плод его сознания. Та часть себя, которую он пообещал себе охранять и защищать всеми силами. Она была чем-то большим, чем спасенная в сосуде душа, она была той самой потерянной частью человечности, которую он не мог принять.

"Почему тебе так важно быть человеком?"

Сато открыл глаза и разгладил руками свою одежду. Он не обратил вначале внимание на то, во что был одет, но сейчас удивленно нащупывал пальцами датчики температуры и элементы жизнеобеспечения в комбинезоне.

Комбинезон Министерства: откуда он у него? Его облачили в эту одежду после операции?

Он не помнил ничего, только кусочки воспоминаний, смешанных во времени и пространстве.

"Почему тебе так важно быть человеком?"

Любопытно, долго им еще добираться до пункта назначения?

Им?

Сато усмехнулся. Ему и этому вонючему контейнеру, конечно.

Куда направлялся этот смрадный бак с органикой? Что за жизнь ждет его после прибытия?

Сато почувствовал тепло единения с этой машиной. Может быть она тоже когда-то была человеком? Но переработанная утилитарными механизмами планеты она обрела новое тело и поверила, что ее предназначение — возить кучку умершей ткани на переработку.

Он прошел до стенки контейнера, аккуратно обходя своих соседей и прикоснулся к ней рукой, закрыв глаза.

О чем она думает? Эта грудa композитного материала, достаточно крепкого, чтобы противостоять невзгодам окружающего мира, но пустого и теплого внутри, чтобы сохранять этих мертвых существ в целости до конца путешествия.

Что чувствует она, инструмент в чужих руках, кто спасает личности живых существ от смерти? Кто любит других существ без оглядки больше, чем они сами? Кто так стремится снова стать человеком, что уже стала больше, чем человек.

"Почему тебе так важно быть человеком?"

Кира посмотрела в свое размытое отражение в мутной стенке контейнера. У нее получилось. Она обрела себя через тот терний, который высадили для ее сознания искины. Она больше не их инструмент, не их механизм.

Больше не безумная цикада, зараженная грибом, разъедающим тело и остатки нервной системы, продолжающая нести свое предназначение.

Она человек. И она свободна.

Солнце радиальным градиентом распадалось на спектр ярких засветов, очертивших небо. Искусственная протекция от завышенного ультрафиолетового излучения еле заметно мерцала над городом и исчезала над грудой органики, которая сформировала пирамидальный алтарь отходов высшей биологической цивилизации.

Кира возвышалась на самом ее пике, и, приставив руки ко лбу, пыталась разглядеть в мутной пелене, покрывшей всю окружающую равнину, ориентиры, к которым можно было построить маршрут.

Погода здесь сменялась так часто, что можно было не расстраиваться из-за текущих погодных условий: через полчаса от нее не останется ничего.

Реверсное экоформирование было в самом разгаре уже много десятилетий, но по прогнозам искинов примерно через век с небольшим люди должны были оказаться в объятиях внезапно помолодевшей природы.

Мерзость.

Вместо того, чтобы устранить свое высокомерие и найти гармоничные отношения с природой, люди решили переложить на искинов содержание своего престарелого создателя. В итоге послушные подданные бережно поменяли лоток, чтобы люди продолжили гадить.

Кира зло плюнула на песок и выставив челюсть вперед решительно направилась к высокому холму, проступающему из дымки. Она закрыла глаза и представила себя среди бури.

Ветер был ее верным спутником. Она доверяла ему, когда он надувал полы ее платья, запутывая в них маленькую девочку; когда катал ее на электрокатамаране, вызывая визг страха и восторга; когда ворошил волосы и превращал любое подобие прически в перекати-поле, насмехаясь над попытками их расправить; когда трудолюбиво крутил ее ветряки и наполнял общину жизненно важными запасами энергии; и даже...

Кира закусила губу. Ей было больно об этом вспоминать. Но образы и слова нервно крутились в голове, словно косяк рыб, который она пыталась поймать за хвосты голыми руками.

— Шшшшшшш

Ветер общался с ней, но ей было сложно чувствовать его в теле полиаморфа. Звуковой спектр был расширен, но все частоты были распределены по нему равномерно и она различала лишь белый шум.

— Я знаю, — успокоила Кира своего партнера. Ветер не скидывал ее со злосчастной лестницы. Он пытался поймать ее, удержать в своих руках.

Вот только она была невыносимо скользкой, как брикет мокрого мыла. Пастырь, Искины, Цикады, Табула — лица возникали из темноты ее разума и озарялись короткой вспышкой боли. Они так желали ее, но не могли удержать у себя в руках.

Одно лицо так и оставалось сокрытым мраком. Кира сконцентрировалась на эмоциях и ощущениях и чуть не закричала от волны воспоминаний, которая внезапно окатила ее и сбила с ног.

Соленые губы, нежная кожа, высохший практически бумажный хлопок и запах полированного металла и терпкого пота.

Фантомная боль, настолько резкая и иррациональная, что грудь закаменела и сдавила в своих объятиях легкие, от испуга наполнившиеся воздухом. Шок и страх заполнили голову холодной пеной, которая выместила все мысли и сдавила виски.

Кира открыла рот, пытаясь выдохнуть то, что осталось в груди, но воздух не уходил, медленно убивая ее. Страх упивался властью над ее телом, насиловал ее нервную систему, дергал за ниточки, которыми так изобиловал проточеловеческий организм; заставлял барабанить кулаками по груди, рвать клочьями неохотно поддающийся комбинезон, хватать с земли камни и устало швырять их в воздух, отчаянно прыгать на месте, пытаясь выместить всю ярость на безразличный холм.

Страху надоело играть с ней. Он бросил ее обмягшее тело на землю и отдал вожжи Страданию. На горле сцепились руки и надавили с такой силой, что Кира захрипела. Кашель и стоны наполняли Страдание энтузиазмом и оно сомкнуло хватку еще крепче.

Когда сознание смилостивилось и решило покинуть тело, Страдание разочарованно отступило и Кира услышала лишь тихую мантру Печали.

Она не справилась с собой и закричала. Плач вырвался из нее и начал давать пощечины, одна за одной. В исступлении она приподнялась на колени и обратило лицо к солнцу, в надежде согреться в его лучах и прогнать то, что захватило ее разум.

Сосуд тела разрывался от желания дать ей все, что она просила: воспоминания.

В ее голове разносилось эхо чуждых ей, обезличенных, холодных и острых, как нож, слов. Слов, которые не могли быть произнесены, но могли быть услышаны где-то в глубине сознания.

"Полиаморфия требует двух, чтобы создать одно"

Лязг возник из неоткуда, но Кира его не заметила. Ее голова разрывалась от белого шума ветра, который шептал ей осторожные слова поддержки.

Солнце царствовало теперь единолично и дымка разочарованно покинула холмы. Тень полиаморфа испуганно спряталась под его телом.

Короткий свист и боль. Горячая, невыносимая. Боль пронзила ее плечо и, посмотрев вниз, Кира увидела короткий дротик, торчащий из пробитого плеча. Она не успела обернуться, когда электрический разряд сотряс ее тело.

Две тени,

— Никос, ты мерзавец, сволочь,. Ты стал настоящей чумой нашей коммуны. Ты нарушил, наверное, все принципы нашего существования и, хуже того, склонил наиболее податливых к вещам, о которых они несомненно будут потом сожалеть.

— Я знаю.

Первая тень выдохнула и взялась за углы капсулы.

— Спаси ее. Спаси ее и верни домой.

— Да, пастырь.

Две тени,

Одна из теней наклонилась к стеклу капсулы и прошептала.

— Кира, вернись домой, слышишь?

Тихий стон ветра и мирное покачивание грузовой платформы.

Кира очнулась от невыносимой стонущей боли.

— Расскажи что произошло?

—

Пастырь

— Я это допустил

ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ ПРО ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКОМ, ЕСЛИ ОН СМЕНИЛ ТЕЛО?

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. СНАЧАЛА КИРА СТАНОВИТСЯ ИСКИНОМ. А ПОТОМ ИСКИН СТАНОВИТСЯ ЧЕЛОВЕКОМ.

Они давят на тебя. Они почувствовали, что твоя больная точка — это контроль.

- Кэти ломается и Лета узнает про Бэджера и Искинов, она тоже узнает немного
- Кэти обманывает их и подсовывает им Сато, а сама проникает в сознание Альфреда и вычленила оттуда про полиаморфов-цикад и стоп-фразу отключение
- Они отключаются от континуума, Кэти резко встает и убивает охранников + Альфреда.
- Подруга Жоанны помогает ей отделиться в тело Филиппа
- Сато видит превращение Киры в полиаморфа и остается наедине в своем теле. Подруга Жоанны помогает ему поправиться. У него внутри остается множество личностей, она не может ему помочь. Его консистентность снижается
- Они прощаются с Кэти. Кэти отправляется в теле Филиппа, чтобы узнать что происходит. Сато отправляется туда, где он родился, чтобы узнать что случилось с общиной.
- Сато возвращается в общину, где находит Пастыря. Пастырь говорит, что тот уже приходил и был изгнан. Что он урод, мерзость. Чтобы он убирался оттуда.
- Сато спрашивает что случилось с Никосом. Пастырь не может сказать. Сато вытягивает его воспоминание и сознание.

- Сато выходит к людям и те его убивают. Он любит этих людей. Пастырь внутри находит силы любить.
 - От ударов лопатой он в последнюю секунду жизни узнает про единороженное существо.
 - Сато просыпается в войде. Искины связываются с ним и сообщают ему, что проект "Сатори" удался. "Бог из машины. Бог из человека". Перед ним стоит Ника / Никос и хлопает в ладоши.
-

(Будет частью рассказа пастыря)

Полиаморфы были уникальными существами. Антропоморфами с немного отличной от людей физиологией. Не машины, не куклы и не репликаны, но уже и не люди.

Созданные или трансформированные, все они прошли через один путь: через путь обретения новой жизни. Через обретения сосуда сознания: своеобразного хранилища для тех воспоминаний, для той личности, которая некогда населяла оригинал.

Полиаморфы когда-то были людьми. Людьми отчаявшимися, неизлечимо больными или просто потерявшими веру в человечество. Все они однажды обратились к Искинам за помощью

Кира и превращение в полиаморфа

Сато чувствовал.

Он обрел свой разум, свои воспоминания и свое тело. Но хотел ли он жить?

Безумная цикада, зараженная грибом, разъедающим его и продолжающая нести свое предназначение.

Арти пыталась его убедить, что он человек. Но остается ли человек

— Сато, все мы, личности, спрятанные внутри тебя, были бы уже мертвы, но ты спас нас. Ты буквально наш спаситель

— Спаситель ли?

—

Если человек потерял свое тело и перенес сознание в другое, он все еще тот же человек? А если у него более нет воспоминаний, он все еще тот же человек? И человек ли он вообще?

Каждая жизнь, каждая мысль, все это имеет значение. Это опыт

Кира — это изначально полиаморф?